

8'92
АВГУСТ

ПОВЕЧНИК

ISSN 0131—5994

Смотрите

Смотрите

С первого номера 1993 года
«Ровесник» восстанавливает свою традиционную
рубрику «Смотрите».
Подписчика «Ровесника», угадавшего ЧТО или КТО
изображен на снимках, опубликованных под этой
рубрикой, ждет приз —

50 000 рублей.

Подробные условия конкурса «Смотрите» будут
опубликованы в январском номере «Ровесника»
за 1993 год.
Но первый шаг к выигрышу вам надо сделать уже
сейчас — подписаться на «Ровесник».

Смотрите

Смотрите

В НОМЕРЕ:

Роджер Розенблэтт. ПАТРИОТИЗМ С КАПЕЛЬНОЙ ГОРЕЧИ	4
ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ...	5
Питер Конрад. ЭЙ, ТЕХАС, ОТОРВИ ЕМУ НОГИ	6
ВОТ ТАК УХОДИТ ДЕТСТВО	8
Н. Муравин. ЭТА ДОРОГА ВЕДЕТ К ХРАМУ?	10
Чероки Пол Макдоналд. ПРАВДА КОПА	12
В. Шнайдер. МЫ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДКОВ	14
Жан Ко. ТОРЕРО МАРИЯ	15
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	17
Эдгар Л. Доктороу. ПЕСНИ, ЧТО ДАЛИ НАМ ИМЕНА	19
ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...	22
Стефан Цвейг. СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ	24
Адам Бейнс. СМЕРТЬ НА СКАЛАХ	28
ВИДЕОКЛУБ	31

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллентив редакции
АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 03.07.92. Подписано в печ. 11.08.92. Формат 84x108^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная, № 2. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-пр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 147 600 экз. Зак. 2053.

Ордена Трудового Красного Знамени акционерное общество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

На первой странице обложки Чак Норрис.

С 1 августа идет подписка на первое полугодие 1993 года на «Ровесник». Цену Вы узнаете на почте. Сроки подписки могут быть сокращены. Торопитесь!

«Ровесник» приглашает к сотрудничеству оптовых распространителей печати в Москве и других городах. Телефон в Москве — 285-88-44.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ИВ _____ место _____ лн-тер _____ на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб.	_____ коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ПАТРИОТИЗМ С КАПЕЛЬКОЙ ГОРЕЧИ

Отгремели залпы войны в Персидском заливе, когда, казалось бы, весь мир, забыв о политических и прочих разногласиях, слился в желании наказать агрессора, угрожавшего третьей мировой войной. Правое дело восторжествовало, агрессор наказан, и в страны, чьи солдаты воевали в заливе, вернулись под звуки победных труб их войска. Вернулись и покрытые флагами гробы... Победа вызвала в этих странах прилив энтузиазма и патриотических чувств, но материал, который мы публикуем здесь, заставляет усомниться в конечной ценности подобного чувства. И потому он как бы универсален, предназначен не только американцам и отнюдь не привязан к конкретному моменту истории: легко гордиться своей страной в минуты ее взлета, в минуты ее побед, но куда сложнее — в трудные для нее часы, когда она нажмет нам не такой уж раскрасавицей. Но и это, наверное, не самое главное сегодня, когда мы осознали, что Земля наша, по сути, очень маленькая, а границы — такая условность, которая не стоит ни твоей собственной крови, ни крови того, кого ты сегодня по собственной ли глупости или по злобному умыслу кого-то иного считаешь своим врагом.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Роджер Розенблэтт,
американский журналист

Я не очень-то крупный специалист по патриотизму, но могу сказать, что мне нравится — Американская Конституция. Она мне нравится. Мне нравится, когда граждане моей страны искренне помогают друг другу. Мне нравится сознавать, что все мы принадлежим к одной системе, главное предназначение которой — гарантия равных прав и равных возможностей для всех и для каждого. Все это заставляет меня и большинство моих соотечественников испытывать добрые чувства по отношению к нашей стране. По-вашему — это патриотизм?

Почему я задаю такой вопрос? Да потому, что последнее время мне постоянно вбивают в голову мысль о немыслимом патриотизме американцев, являющемся якобы следствием нашей блистательной и стремительной победы в Персидском заливе. Опрос общественного мнения (а как же без него!) показал, что 65 процентов наших граждан полагают, что страна движется верным курсом, по сравнению с неубедительными 29 процентами, которые придерживались этой мысли в начале этой войны.

Какой можно сделать вывод? Что для полного счастья американцам нужна веская причина открыть пальбу, а потом бешено аплодировать? Надеюсь, что нет.

Конечно же, высокие моральные принципы достойны всяческого уважения — весьма приятно, хотя в то же самое время и немного страшновато осознавать, что мы — вне всякого сомнения — одна из самых могущественных наций в мире. Однако если мы хотим быть патриотами Америки не только во времена победной эйфории, для этого нужны чуть более веские основания.

По-моему, охватившая нас после победы любовь к родине нуждается в некотором элементе горечи. Я прекрасно понимаю, что горечь или печаль — несколько странные компоненты патриотизма. Но я вспоминаю о нескольких каплях черной краски, которую некий художник из романа Ральфа Эллисона «Человек-невидимка» смешал с краской белой — в результате ему удалось добиться совершенно уникального, абсолютно совершенного белого цвета, коего живопись никогда не знала. Символический эффект же заключается в том, что десять капель черной краски усиливают эффект белого цвета, а отнюдь не портят его, как можно было бы предположить.

Война, которая породила очередной приступ американского патриотизма, изобиловала горечью. Кто-то сказал, что погибло «поразительно много» иракцев — выражение, которое по моему глубокому убеждению должно шокировать всех нормальных людей, сохранивших хоть каплю сострадания к себе подобным. Число погибших американцев и других членов коалиции несоизмеримо меньше, что не скрашивает ужаса ситуации. Это же относится и к кувейтцам, павшим от рук иракских солдат.

А теперь попытайтесь мысленно собрать вместе тела павших, представьте себе, что вы готовите их к погребению, оплачьте всех их и задумайтесь. Это не очень сложное упражнение может немного скорректировать возникшую аберрацию зрения.

И все же история свидетельствует о том, что американцы никогда не приходили в восторг от перспективы войны. Среди наших президентов было лишь несколько героев сражений и — в чем приходится признаться, — мы, как правило, весьма прохладно встречали своих солдат и никогда не считали их героями.

Люди полагают, что нежелание вьетнамских ветеранов говорить о своих подвигах — всего лишь нехарактерный факт американской истории. Но даже участники «хорошей войны» — второй мировой — желали только одного: забыть все, что с ними произошло.

Говоря о капле горечи и о том, каким образом она вписывается в наше блистательное настоящее, следует отметить, что государство представляет собой организацию людей. Таким образом, любовь к своей стране связана не только с людьми, которые ее населяют, но и с людьми во всем мире, в том числе и с политическими врагами, не говоря уже о друзьях.

Иногда мы отправляемся на войну с нашими врагами. Но даже тогда прозорливость и мудрость не должны позволять нам отмахнуться от факта, что все — и мы, и наши враги — сделаны из одного и того же «теста», все мы одинаково уязвимы и, по сути, одиноки на этой земле.

Как правило, о патриотизме громче всех кричат шарлатаны и пустомели — но даже самые порядочные из них рассматривают свои страны как некое продолжение самих себя и своих мнимых достоинств. «Для того, чтобы мы любили свою страну, — сказал английский политик Эдмунд Берк, — это должна быть симпатичная страна». Истинные же патриоты исповедуют «негромкий» патриотизм — патриотизм, настоящий на милосердии и хороших манерах.

Такие люди в День поминовения стараются держаться подальше от демонстративно скорбящих толп, они позволяют себе слезы только наедине с собой, и это плач не только по павшим, но и по нашей с вами жизни.

Один из самых честных и умных писателей-фронтовиков Пол Фьюссель несколькими штрихами дал портрет артиллерийского офицера, с которым ему довелось столкнуться на границе Германии во время второй мировой войны.

«Немцы накрыли его батарею зажигательными снарядами. Два солдата заживо сгорели на его глазах. Покачиваясь, он пошел в мою сторону... Я шагнул ему навстречу. Он всхлипнул и припал к моему плечу. «Довольно убийств, довольно убийств, довольно убийств», — повторял он одни и те же слова».

По-моему, этот человек и есть настоящий патриот.

Перевел с английского
С. НАСТАЛЬСКИЙ

Необходимые Советы

ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ...

Ты уже давно обожаешь его на расстоянии. Тебе так хочется, чтобы он прикоснулся к тебе. Попросту говоря, ты влюблена по уши, а он еще ничегошеньки о своем счастье не знает. Ну тогда чего же ты ждешь? Бери инициативу в свои руки. Как это сделать? Ну, приблизительно вот так...

Девушка сидит одна на скамейке в парке. Внезапно появляется незнакомец и присаживается рядом. Она справляется со своим волнением и спрашивает его, который час. Через минуту она в его объятиях...

Любовь по-голливудски, по-киношному. В жизни все, к сожалению, выглядит совсем иначе. Но как же тогда обратить на себя внимание мальчика, который тебе нравится, и не поставить себя при этом в неловкое положение или вовсе показаться смешной и жалкой?

КОГДА ТЫ ЗАМЕЧАЕШЬ, ЧТО И ТЫ ЕМУ НРАВИШЬСЯ...

В принципе, это не так уж трудно заметить. Ты просто должна обратить внимание на сигналы, которые он тебе посылает, на то, как он себя ведет и что говорит. Ну, предположим, вы уже слегка знакомы с ним...

— Он приглашает тебя на вечеринку, а после этого еще несколько раз спрашивает, придешь ли ты.

— Он улыбается тебе ответной улыбкой и с удовольствием смеется твоим шуткам.

— Он часто спрашивает о твоём мнении, часто обращается за советом и оказывается всегда рядом, когда ты попадаешь в затруднительное положение.

— Он снимает ресничку с твоего лица и старается при первой возможности прикоснуться к твоей руке.

— Он старается встретиться с тобой глазами, ловит твой взгляд.

ТО, ЧТО ТЫ НИКОГДА НЕ ДОЛЖНА ДЕЛАТЬ

Есть вещи, которые ты никогда и ни за что делать не должна, если хочешь покорить мальчика, который тебе нравится:

— Никогда не звони ему и не вешай тотчас же трубку, как только услышишь его голос.

— Старайся говорить с ним четко и ясно.

— Не изображай из себя в школе примерную ученицу, это может оттолкнуть его.

— Не старайся слишком ярко краситься и «шикарно» одеваться!

— Никогда не кокетничай с его другом! Ребята могут вступить в заговор против тебя.

— Не будь назойливой, не преследуй его!

— Не дари ему на день рождения двусмысленных подарков с намеком на свою любовь.

— Не обязательно заговаривать с ним, когда он стоит в окружении своих друзей. В этой ситуации он может прореагировать совсем не так, как ему хотелось бы...

ЕСЛИ ОН ВЕДЕТ СЕБЯ ТАК, ЗНАЧИТ, ШАНСЫ ТВОИ НЕВЕЛИКИ...

— Он слегка обнимает тебя и говорит, что ты ему как сестра. Не исключено потом, что он попросит тебя познакомить его с твоей подругой.

— Когда ты, наконец, набралась храбрости и заговорила с ним, он просто не обратил на тебя никакого внимания.

— Он постоянно и запросто предлагает всей компанией отправиться после школы домой или на уголок поесть мороженого.

— После нескольких минут разговора с тобой он начинает нервничать, суетиться и подыскивать причины, чтобы побыстрее уйти.

— Он рассказывает тебе о том, что помирился со своей бывшей подругой и счастлив как никогда!

КАК ПОДОЙТИ К ТОМУ, КТО НРАВИТСЯ...

Теперь ты знаешь, есть ли у тебя шансы покорить мальчика твоей мечты. Прежде

чем заговорить с ним, ты должна иметь в виду еще некоторые моменты:

— Выбери подходящий момент, не обрушивайся неожиданно, как снег на голову, с каким-нибудь сумасшедшим приглашением. Выжди, потяни время. Обратись для начала к нему за помощью в приготовлении трудного домашнего задания или попроси совета в каких-нибудь твоих делах. Улыбнись ему, заведи разговор на безобидную тему. Если увидишь, что все идет как надо, можешь сделать более решительный ход.

— Всегда оставляй путь к отступлению. Не стоит понимать это буквально, но и забывать об этом не следует. Если ты, например, спросишь его в лоб: «А я тебе нравлюсь?» — представь себе, как неприятно будет услышать тебе его «нет». Гораздо лучше будет невзначай спросить его: «Ну, я поехала на этом автобусе. Ты ведь не едешь на нем?» Даже если он скажет «нет», особой неловкости ты при этом не испытасешь.

— Старайся относиться ко всему поспокойнее и не взвинчивай обстановку, сохраняй чувство юмора. Насколько позволяют судить подслушанные среди мальчиков разговоры, им больше нравятся веселые улыбающиеся девочки.

И ВОТ ТЫ ПОДХОДИШЬ К НЕМУ...

— Зрительный контакт — самый простой путь. Посмотри ему в глаза. Довольно быстро ты поймешь, как он на это реагирует. Выдержит ли он твой взгляд, или смущенно отведет глаза в сторону, или вообще никак на твой взгляд не ответит. Дело это непростое, но научиться этому можно. Попытайся поэкспериментировать на незнакомых «жертвах» в метро, в магазине. Чем чаще будешь испытывать свои взгляды на незнакомых людях, тем быстрее научишься. Если он как-то прореагирует на твой взгляд, но не заговорит с тобой, бери инициативу в свои руки. Как-нибудь на вечеринке или на дискотеке пройди мимо него с каким-нибудь угощением и предложи ему.

ВОТ ТАК МОЖНО НАЙТИ ПОДХОД К НЕМУ...

— Как все устроить? Если кто-то из твоих друзей хорошо знаком с мальчиком, который тебе нравится, воспользуйся этим! Попроси свою подругу помочь тебе. Пусть она придумает какой-нибудь повод для вечеринки, на которую она могла бы пригласить и его. Если он, например, любит ходить в бассейн, ты тоже могла бы пойти туда. Но в любом случае это должно выглядеть как случайное совпадение, потому что как только мальчик заметит, что ты за ним охотишься, все может рухнуть.

Трюк с одеколоном. Ты проходишь мимо него, останавливаешься и принохиваешься. Потом говоришь: «О, какой хороший одеколон! Это «Арамис»?» Большинство мальчиков «клянет» на это.

Сядь как-нибудь рядом с мальчиком твоей мечты. Через пару минут спроси его притворно: «Что вы сказали?» Если повезет, разговор может завязаться.

Имитация катастрофы. Сделай вид, что что-то случилось с твоим велосипедом (или еще с чем-нибудь) и попроси его помочь. Ну, если велосипед в порядке, можешь сама перед этим выпустить воздух из шины...

С. КAVTAPADZE

По материалам журнала «Браво»

ЭЙ, ТЕХАС, ОТОРВИ ЕМУ НОГИ!

Питер КОНРАД,
английский журналист

Интерес к подобным зрелищам наверняка живет в нас с тех времен, когда мы были питекантропами и, забившись в пещеру, трепеща от ужаса и восторга, наблюдали за схватками динозавров, ломающих друг другу кости. Сегодня миф о доисторических сражениях чудищ обрел новую плоть — наштапованную стероидами и поджаренную аппаратами искусственного загара. Снова лоб в лоб сходятся в бою мастодонты, так же, как Зверь и Стервятник, размалеванные красной краской, в ошейниках с шипами и со шрамами на лицах; или, например, Джим Дагган Резак, звероподобная туша, орудующая огромным куском дерева; или Джейк Змея, выходящий на ринг с живым питоном, обмотанным вокруг шеи. Все эти монстры произведены на свет компанией, громко именуемой «Всемирная федерация реслинга» (ВФР), она организует борцовские турниры по США, устраивает грандиозные шоу в «Мэдисон Сквер-Гардене» и дважды в неделю демонстрирует своих подопечных по американскому телевидению.

Каждый бой проводится по определенному сценарию, призванному укреплять миф о сильной Америке, всегда побеждающей своих врагов, кто бы они ни были. Вот два жутких мордворота в черных кожаных комбинезонах, размахивая цепями, вламываются на ринг с таким видом, словно собрались терроризировать мирный буржуазный квартал, но их, конечно, останавливают патриоты — Дагган со своей дубиной и морской пехотинец с невероятно квадратной челюстью — Сержант Мясник. Кстати, последнему принадлежат победы над Стальным Шейхом из Ирана и Полковником Мустафой, приятелем Садама Хусейна. Правда, сегодня наивысшим олицетворением зла в реслинге считается человек-гора, японец Като (перед зрителями он предстает в чулке, натянутом на лицо, и вполне может стать, что он вовсе не японец, а скажем, пуэрториканец или поляк). Като по канонам американского патриотизма всегда жестоко наказывают.

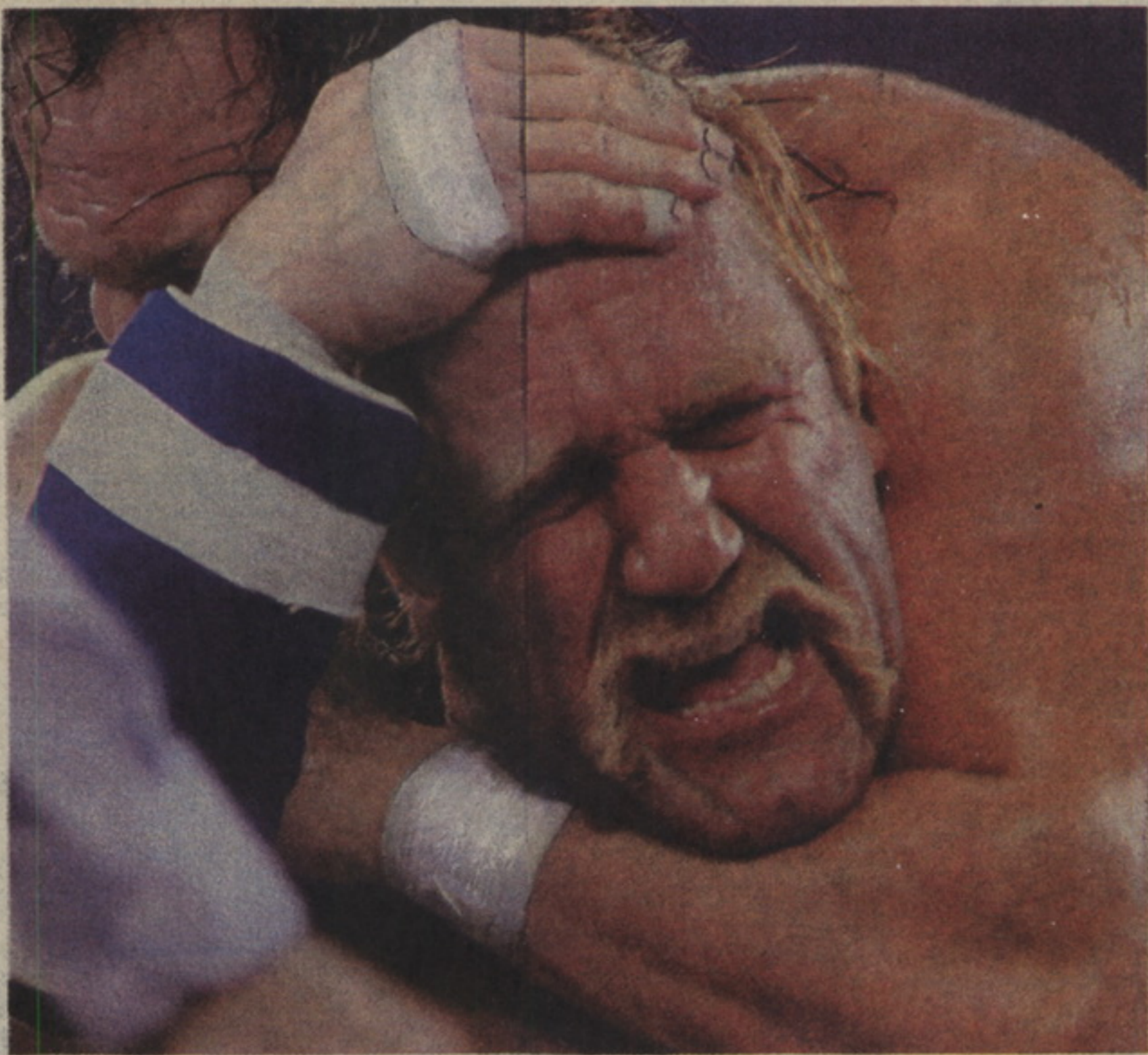
На этой фабрике под душераздирающие стоны и крики производятся мифы. Суперзвезда реслинга, некрофил из фильма ужасов, действующий под псевдонимом Похоронщик, живет, как утверждает легенда, в калифорнийской Долине Смерти. Он появляется на ринге под органную музыку, бледный, как сама смерть, держа в руках урну с прахом умерщвленных противников. Ему нет нужды бороться: взглядом он парализует врага, повергает на пол и со всей нежностью могильщика отправляет на тот свет. Когда я смотрел его выступле-

ние в «Мэдисон Сквер-Гардене», Похоронщик положил руки поверженного противника себе на грудь и ласково закрыл ему глаза. Тут кто-то в зале крикнул: «Это же Джеффри Дамер!» Как раз по американскому телевидению демонстрировался процесс над убийцей-канибалом, который разрезал свои жертвы на куски и лакомился их мясом, хранившимся в домашней морозилке. Я почувствовал себя так, словно оказался в гуще процесса синтеза поп-культуры: на моих глазах отдельные мифы сливались друг с другом, порождая качественно иную субстанцию, реальные персонажи из сюрреалистической действительности Америки обретали новую фантастическую жизнь. Я не удивлюсь, если вскоре на ринге и вправду появится борец, имитирующий Дамера, который попросту станет пожирать своих противников.

Реслинг — особый вид поп-арта, где борцы имитируют карикатуры из комиксов. Самый знаменитый борец ВФР Халк Хоган куплен со всеми потрохами компанией «Марвел Комикс Инкорпорейшн», а Сержант Мясник несколько лет проработал на компанию игрушек, играя роль героя комиксов Рядового Джо.

Удары и пинки в «Мэдисон Сквер-Гардене» были всего лишь имитацией, а насилие исключительно вербальным — и творилось зрителями. Рядом со мной сидела маленькая девочка, одетая в реслинговом стиле: на волосах зеленая повязка с именем Мачо Мэна, ядовитая оранжевая майка с изображением Халка Хогана и в крохотной ручонке — пластмассовая дубина Даггана. Весь вечер ее нежные легкие изрыгали крепкую ругань. Едва диктор объявил о первом поединке, как она заорала: «Заткнись, дерьмо!» Потом она дисквалифицировала рефери: «Старый доходяга, тебе пора в сортир». Когда на ринге появился борец под псевдонимом Модель, девочка закричала: «Уберите эту шлюху!» Отец девочки добавил: «Вон, королева стероидов!» Между тем дочь уже подбадривала Торнадо Техаса: «Эй, Техас, оторви ему ноги! Переломай ему все кости! Раздави ему морду! Съешь его на завтрак!» Тут Торнадо заломил противнику руку. «Ломай, ломай ее! — как психопатка закричала девочка. — Давай, Техас, он уже намочил в штаны!»

Като разозлил девочку до умопомешательства: «Японская обезьяна Сяу-Мяу!» Канадскому полицейскому, вышедшему на ринг с дубинкой, она посоветовала: «Засунь ее себе в пасть!» Противником Канадского полицейского был неандерталец Сид Справедливый.

По-видимому, Виргилу надоело слушать придуманную за него историю жизни: «Да, да, меня ослепили зелененькие, я позволил себя купить, но мое достоинство было оскорблено. Теперь я заявляю, что есть кое-что дороже денег. Ты все понял? Советую записать», — и он покачал кулаком у меня под носом.

Интервью с Мачо Мэнном я начал с самого безобидного вопроса: где он родился. Вместо ответа тот тяжело задыхался, глаза забегали. На какую такую темную тайну я случайно наткнулся? Мачо Мэн наконец пробормотал: «Коламбус, Огайо», — и как побитая собака посмотрел на своего наставника.

«Эх, парень, — вздохнул пресс-атташе, — я же тебе объяснял, что нужно говорить Сарасота, Флорида. Запиши так, Питер. Не стоит путать публику». После чего Мачо Мэн изложил постулаты величайшего заблуждения и главного мифа американцев о том, что добиться можно всего, стоит только очень захотеть: «Я трудолюбивый, я очень старался и всего добился», — закончил он интервью.

Демонстрируя чувство долга перед обществом, в «Мэдисон Сквер-Гардене» борцы давали бесплатное представление для детей-инвалидов. Естественно, шоу транслировалось по телевидению: ибо любое благое дело обесценивается, если его не разрекламировать. Для личного знакомства с суперзвездами реслинга были выбраны самые увечные дети: чернокожая девочка с блаженной улыбкой и белый парализованный мальчишка. Их приветствовали на ринге Джим Резак со своей дубиной и Торнадо Техаса. Торнадо зарычал на мальчишку: «Ну, нападай, покажи, на что ты способен». Тот судорожно задергался — вот и все, что он мог сделать.

Смотреть на это было невыносимо больно: словно существа в зоопарке разглядывали друг друга сквозь решетку — встреча уродов, чудовищное нагромождение мышц и жалкая детская плоть. И те, и другие выглядели трагично. Мне стало еще больнее от мысли, что все это происходит лишь потому, что в тридцати милях отсюда, сидя в сверкающем офисе, кто-то думает, как заработать деньги на стареньком мифе.

Перевел с английского
В. ГАВРИЛОВ

Девочка кричала, как полоумная: «Справедливость восторжествует!» И действительно канадец был побежден. С появлением на ринге Джейка Змеи девочка опять разбушевалась: «Джейк, ты дерьмо, и змея у тебя дерьмовая». Под конец представления она схватила отца за рукав и спросила: «Пап, а нас покажут по телевидению? По какой программе?»

Фабрика по производству мифов находится в тридцати милях севернее «Мэдисон Сквер-Гардена» — в Стэмфорде. Здесь, в штаб-квартире ВФР, вы не встретите потных борцов: сверкающий стеклянный небоскреб, мраморное фойе и коридоры с розовыми коврами олицетворяют процветание и успех. «Наш хозяин, Винс Макмахон увидел в реслинге хороший товар, — говорит один из вице-президентов фирмы. — Мистер Макмахон решил вывести реслинг на большую арену, одеть борцов в специфические костюмы, всем придумать легенды и показать это

по телевидению. И вот теперь мы находимся в центре деловой активности Америки. Нам тоже необходим свой имидж. Это здание говорит само за себя. У нас солидная финансовая база, наш товар пользуется спросом... О, нет, борцы тут не бывают. Они гастролируют по стране, живут в гостиницах, тренируются в спортзалах — в этом заключается их работа».

«Эти парни, — как заявил Винс Макмахон, — наш продукт, наша собственность, мы имеем на них все авторские права. Они не могут поменять прическу без нашего согласия». Америка — страна, где реальность подчинена имиджу, а вымысел — реальный товар. В «Мэдисон Сквер-Гардене» я вспоминал баскетболиста Майкла Джордана, зарабатывающего двадцать миллионов долларов в год лишь на том, что его имя штампуется на товарах фирмы «Найк», и при этом Национальная баскетбольная ассоциация не имеет возможности заработать на рекламе за счет своего игрока. В отличие от баскетболистов у борцов нет подобной свободы выбора: они полностью принадлежат фирме, создавшей их.

Я ощутил этот всеобъемлющий контроль, интервьюируя борцов в «Гардене». Пресс-атташе посоветовал задавать вопросы исключительно в рамках существующих легенд. Я спросил суперзвезду Виргила, чем он занимался до того, как стал борцом. «Я был лучшим телохранителем во Вселенной. Советую тебе в это поверить». Пресс-атташе поспешил добавить: «Он был телохранителем у одного миллионера. Виргилу приходилось даже носить его вещи, но однажды он взбунтовался, ему захотелось восстать против тирании хозяина».

ВОТ ТАК УХОДИТ ДЕТСТВО

Переход из детства во взрослую жизнь — нелегкое испытание для любого ребенка. Еще не умудренный жизненным опытом человек страдает из-за непонимания окружающих и неприятия действительности, от одиночества и психологических проблем. У многих народов существуют особые ритуалы введения детей в мир взрослых. Иногда кажущиеся нам дикими, эти ритуалы призваны показать подростку, что есть взрослая жизнь. Ребенок вынужден пройти через физические лишения и боль, возможно, от этого психологические проблемы переходного возраста ощущаются им не столь остро.

Этот обычай посвящения во взрослую жизнь до сих пор сохранился в Италии. Родители расщепляют молодое дерево, внутрь помещают иконку Девы Марии и трижды сквозь щель в стволе протаскивают сына. Потом дерево забинтовывают, иконка остается в стволе. Она будет охранять сына от бед и напастей всю дальнейшую его жизнь.

В племени диак в Юго-Восточной Азии девочек, достигших зрелости, изолируют на год. Они носят белые одежды и живут в жилище белого цвета.

До 60-х годов в индонезийском племени дани обряд посвящения в мужчины обязывал мальчиков принять участие в войне с каким-либо соседним племенем. После боевого крещения (если не погибли) они становились полноправными мужчинами племени. Правительство Индонезии запретило этот обычай. Теперь вместо настоящей войны мальчишкам приходится довольствоваться игровым сражением и состязанием в стрельбе из лука.

По давней традиции в Египте девочкам, достигшим зрелости, делается хирургическая операция, после которой они уже никогда не смогут получить сексуального удовольствия от близости с мужчиной. Эту каирскую девушку впоследствии охотно возьмут в жены: ведь у нее не возникнет желания изменить мужу, она станет надежной супругой и работницей по дому.

В церкви под Кингстоном на Ямайке девочки впервые курят марихуану во время обряда прощания с детством. Считается, что наркотик помогает пережить утрату беззаботной жизни; теперь им придется работать.

У мальчишек из трущоб Рио-де-Жанейро свой ритуал посвящения в мужчины. В этот день они одеваются в женское, обливаются вином и пивом, потом прыгают на крышу электрички. Многие разбиваются, уже сотни мальчишек погибли таким образом.

Для девочек из суданского племени кау детство заканчивается с ритуалом нанесения шрамов. Вторая порция ритуальных шрамов наносится, когда они лишаются девственности. В последний раз шрамами украшают в период беременности.

В средней школе Вэлли в Луисвилле, штат Кентукки, – выпускной бал. Праздник продлится всю ночь, а на следующий день начинается новая, взрослая жизнь.

ЭТА ДОРОГА ВЕДЕТ К ХРАМУ?

Н. МУРАВИН

В Турции, как и в соседней Греции, все есть. Говорят, даже черноморская рыба эмигрировала в натовские воды, создав на соответствующих базарах изобилие, какого не увидишь ни в Одессе, ни в Сухуми. В Турции есть все, и ежедневно в период навигации неуклюжие катамараны, гордо именуемые «красными», «синими» и прочими разноцветными «стрелами», вываливают в порту Стамбула на «берег турецкий» порции по 300 человек с бывших советских берегов.

Люди сходят по трапу, пошатываясь; они сутки провели в душном салоне, плотно забитом списанными самолетными креслами. Грузины, узбеки, украинцы, ступив на зарубежную землю и представ перед таможенной, тут же становятся унифицированными «русскими». На досмотровом столе возникают батареи бутылок водки, баррикады банок икры, россыпи пачек «Мальборо». Оценив, чиновник решительным жестом сметает часть добра в особые ящики на своей стороне. Протестовать не рекомендуется — действия представителя власти подкреплены молчаливым авторитетом усатых автоматчиков, лениво пощелкивающих затворами.

Досмотр прошел — свободен!

Можно идти к выходу в город, за заградительные барьеры, возле которых сверкает бронзой на солнце обязательный бюст турецкого отца-основателя Кемаля-паши Ататюрка. Рядом с причалом на парапете сидят два советских студента-океанолога. Они наблюдают за таможенными сюжетами со смешанным чувством: они тоже оттуда, но — иначе. Они не торгуют, а работают, и у них есть честно заработанные доллары.

Два друга уже побывали в Стамбуле по пути из Черного моря в сине-синее Эгейское на океанологическом корабле «Эксперимент», который весь чуть больше шлюпки среднего пассажирского лайнера. Они уже видели и древние крепости Босфора, и берега Дарданелл («Вон те холмы — это же Троя!»), и скалы острова Лесбос. Видели и Стамбул-Константинополь, столицу двух великих империй, но мельком — только один день. Сейчас времени больше.

Идея посетить константинопольскую патриархию зародилась у одного из них, крутого христианина. Второй, демократ (если можно так назвать человека, который не носил трехцветного значка, не любит громких речей и никуда не выставлял свою кандидатуру, а всего-навсего мерз в пикете у китайского посольства и собирал подписи за освобождение политзаключенных), подумав, согласился: интересно ведь увидеть центр православного мира, пусть формально, но сохраняющий главенство над третьим Римом — Москвой. До 1453 года, года взятия турками столицы Византии, патриархия размещалась в огромном соборе Святой Софии. Его купол плывет над городом, охраняемый четырьмя стрелами пристроенных позже мусульманских минаретов — мечеть Айя-Софи, вот как это теперь называется.

Ну а где сегодня размещен патриарх, поди пойми — в путеводителе ни слова, о чем демократ сообщает христианину. «Ерунда, — отмахивается христианин. — Сконструируй-ка по-английски фразу: «Эта дорога ведет к храму?»»

Они покидают набережную, пропахшую нефтью и морем, с криками чаек и грохотом подъемных кранов, разгружающих суда с красными турецкими флагами на мачтах. Здесь кругом государственные красные флаги с белым полумесяцем и звездой. Демократ вспоминает, глядя на них, историю про геноуэзскую, кажется, мирную конференцию,

когда турки обиделись на «территориальные притязания» Советской Армении: у армян на гербе гора Арарат, находящаяся на турецкой территории. Чичерин ответил: «На флагах некоторых государств изображена луна, надеюсь, это не означает, что таковые государства на нее претендуют?»

Христианин сдержанно фыркает — он плохо воспринимает юмор, если там фигурируют коммунисты.

Вокруг кипит стамбульская жизнь: разномастные авто туда-сюда, меж ними тяжелые туши переполненных автобусов, на тротуарах жарят люля-кебабы, в уличных чайханах мальчики разносят чай в миниатюрных стаканах, важные восточные мужчины курят кальян, в глазах у них — кайф. «Покурим?» — спрашивает христианин. «Ты обалдел, лучше бы в Софию пошли». Билет в Айя-Софи стоит четыре доллара, и они предпочли обойти мечеть вокруг, глаза на древние стены, отмахиваясь от чистильщиков обуви, торговцев открытками и порнографией.

Прохожие по-английски не понимают. Банковские кассиры должны понимать, сообщает христианин, и действительно — в кондиционированной прохладе банка чиновник откликается на их «Ду ю спик...», однако ничем помочь не может. При разговоре присутствует полицейский: руки на автомате, глаза — прицелы. Неприятно.

Путешествие продолжается. Им указали направление, они бредут по сужающимся улицам вверх и упираются в большой кирпичный дом. Рядом — никого, внутри пахнет сыростью, скрипят полы, стекла кое-где выбиты, на стенах pulverизатором — рисунки и слова. И Ататюрк: статуи, бюсты, портреты. Двери, выходящие в коридор, заперты. Пусто и тихо, только мяучит кошка. «Сюрреализм какой-то, — говорит демократ, — наверное, здесь музей?» Христианин не согласен: «Скорее школа». Неожиданно очередная дверь поддается, и на скрип оборачиваются сидящие за столом две женщины. «Скул?» — «Скул! Скул!» — испуганно кивают турчанки. «А какая улица ведет к Константинопольской патриархии?»

Новый зигзаг через лабиринт константинопольских кварталов, населенных какими-то англофобами, опять выводит на оживленный проспект. У витрины ресторана, где океанологи остановились свериться с картой, к ним подходит коротко стриженный спортивный парень. Его английская речь вполне правильна. «Патриархия? Где-то там, но зачем? Есть девочки, Наташа и Катя, классно танцуют, о'кей?»

Вдоль трассы, глотая пыль пролетающих грузовиков, отдыхая в тени рекламных щитов «кока-колы»: «Это уже самая окраина, — говорит измученный демократ, — мы с тобой прямо паломники». «Дорога к храму», — многозначительно произносит христианин. Он шутит.

Пейзаж в этом районе иной. Ветхие, облупившиеся дома с узкими окнами, собаки роются на свалках, редкие автомобили подпрыгивают на выбоинах в асфальте, разбрызгивая жижу луж. В лужах играют босые дети. На маленькой площади к автолавке стоит длинная очередь, в двуязычной рекламе на борту можно прочесть что-то вроде «Дешевый картофель». В очереди женщины, некоторые в традиционном мусульманском одеянии, некоторые одеты вроде бы по-европейски, но, в общем, Европой здесь уже не пахнет. По крайней мере, такой, где «есть все».

Друзья-студенты взбираются на вершину холма. Здесь можно отдохнуть, присев на теплые камни развалин римской крепости I века (есть соответствующая табличка). Стамбул — у ног, Босфора не видать за стеклянными параллелепипедами современного квартала. С другой стороны убегают вдоль по склонам красивые контуры полей и садов. «Так мы никуда не придем, — говорит христианин, — надо назад».

Приближаются нетвердой походкой две фигуры, явно не турки. Вид у них такой, будто вылезли из опекурильни или из того заведения, где Катя и Наташа. Хорошо, хоть говорить могут. Ага, американцы, студенты, Калифорния. «А мы из Москвы». — «О, Россия, Ельт-цин!» — «А вы не знаете,

какая дорога ведет к храму?» — «О, знаем, йес, так это вам в обратную сторону до Золотого Рога, а там возле Галатского моста...» — «Сенк ю, бай!»

Знаменитый Золотой Рог, гавань византийского флота, длинный грязный залив шириной с Москву-реку, рассекает Стамбул на две части. Друзья переходят его по мосту, и тут же их встречает разгул рыночной стихии. Здесь как раз турецких слов знать не надо, разве что «тюркиш лира». Жарко. Популярны продавцы пива, фирменные банки плавают в ледяной воде в металлических чанах, в таких у нас мороженое держат, банки вылавливают черпаками. Тут же прокат биноклей, озирать Стамбул с дворцами и минаретами, взбирающийся по горам вокруг залива, и прокат удочек — видимо, есть чудачки, готовые платить за право выловить кого-то из нефтеносных вод, омывающих опоры моста.

Сразу за мостом их атакует мобильная часть торговой мафии: «Купи часы настоящие «Сейко» семьдесят баксов. Всего!» Цена быстро скидывается до 10 долларов, потом до пяти; часы, естественно, подделка. Дальше простираются ряды рынка, где есть пресловутое «все». В воздухе стоит крик, и там доминируют слова «русский» и «кожа». Кожу в Турции покупать выгодно. Если вы действительно хотите что-то купить, не зевайте: в руках у торговца калькулятор, заменяющий язык, пальцы мелькают над клавишами, на табло загорается цена, но, прежде чем платить, удостоверьтесь, какой курс доллара к лире ввел ваш торговый партнер — сегодняшний или заниженный позавчерашний.

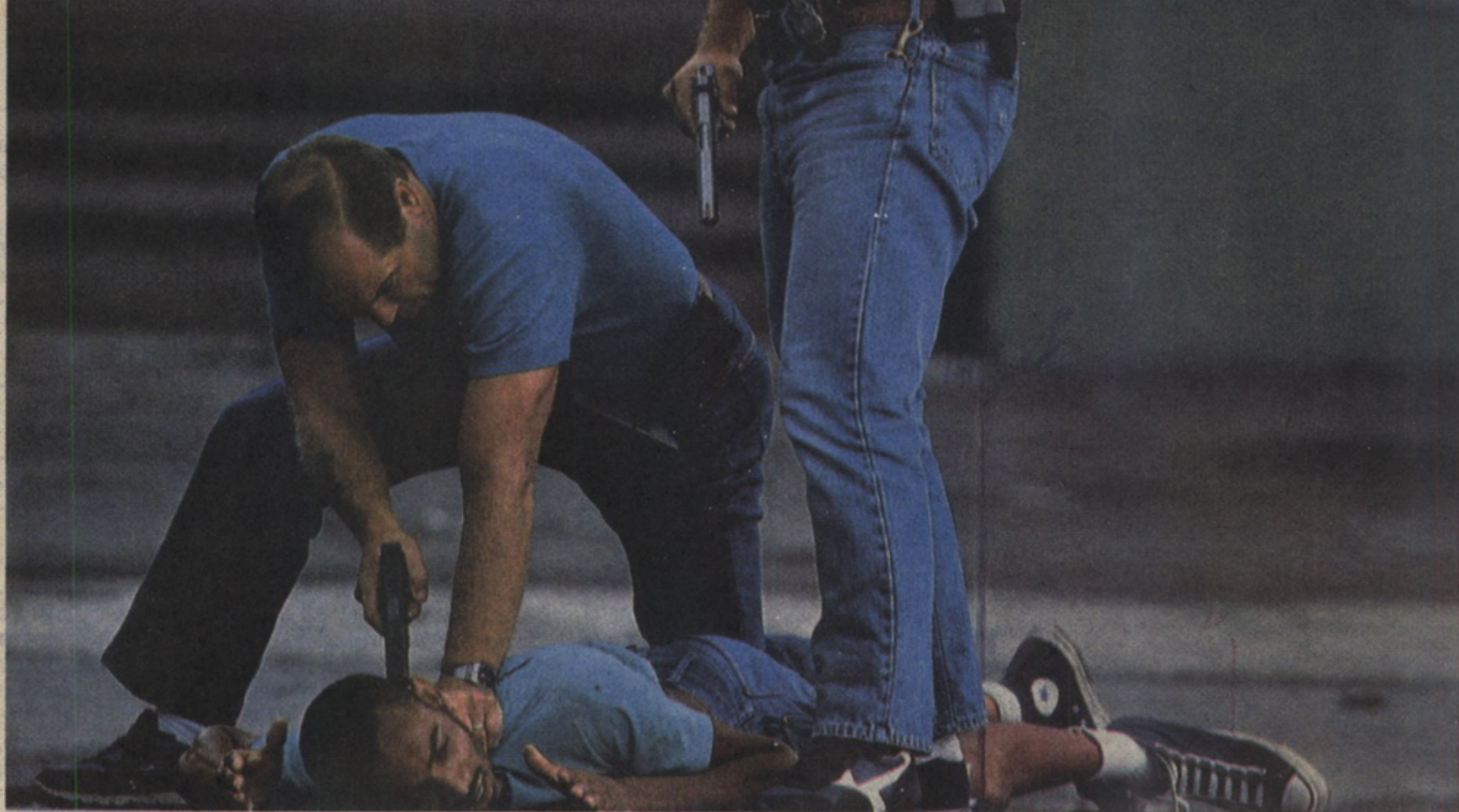
Рынок международен. Продаются что-то румыны, болгары, вездесущие поляки. Бывшие советские со стандартным экспортным набором: водка, военная форма, матрешка. Есть и то, что здесь именуют «школа» — советские игрушки, надувные и механические. Поворот ключа, запрыгала пластмассовая курочка, подбирая невидимые зерна. Турок балдеет и лезет в карман за валютой.

«Ребята, вы наши? Продаете? Покупаете?» — «Нет», — отвечают океанологи. Отходят с непонимающей улыбкой — а что тогда вообще делать в этой Турции. В Турции, которая пока «мы» занимались невесть чем, тихо, старательно, трудолюбиво, расстреливая студентов и запрещая профсоюзы, пытая заключенных и сгоняя крестьян с земли, строила капитализм. Построила — лакированное авто, толстый живот, волосатые пальцы в перстнях. Учиться капитализму — вот зачем сюда приезжают.

Свернув с набережной Золотого Рога и пройдя несколько шагов, друзья-океанологи натываются на то, что искали, — резиденцию патриарха, это написано по-гречески на доске, привинченной к крепкой бетонной ограде. За ней — родная православная церковь, правда, архитектуру разглядеть трудно, церковь вся в лесах, и рабочие-ремонтники переговариваются по-турецки. Внутри устроено, как в Европе — ряды мягких стульев для слушателей, можно не ползать на коленях. Идет служба по-гречески, но, кроме участвующих в обряде, в церкви никого. Никого. Только два студента и плоские лики святых на иконах. Храм, конечная. Демократ сидит тихо из уважения к христианину и христианству, но уже думает о том, куда пойти завтра. Снаружи на площади перед патриархией зачем-то стоит автобус с полицией. Это навязчивая деталь, но куда от нее деться в Стамбуле?

Наутро океанолог-демократ проснулся рано. Он вышел на палубу, где было прохладно и свежо, замер, любуясь городом. Надо запомнить все это, подумал он. Сегодня день, и еще один день, а там по Босфору мимо крепостей и зеленых берегов с тортами-виллами в Черное море и в Севастополь. Надо запомнить минареты, силуэт холмов, запах ветра, вон те рыбацкие фелюги, с которых прямо с борта продают улов богатым туристам: кстати, они здесь, значит, в море не выходили? Вдруг зарычал мотор, на причал выкатился трейлер, и студент увидел, как рабочие в белых штанах быстро-быстро принялись перекидывать из распянутого авточрева на суда какие-то ящики. В бинокль он различил даже надписи на ящиках: «Мороженая треска. Норвегия». Ну ясно, а я-то думал, рыба к ним эмигрировала. Да в Черном море ее просто нет.

Вот, собственно, и весь рассказ о Турции.

ПРАВДА КОПА

Черони Пол МАКDONALD,
бывший американский полицейский

Етальная триада — жетон, пистолет и наручники; я ощущал их холодную тяжесть власти и ответственности. Мне выдали стальную триаду вместе с формой полицейских Форта-Лодердейла на торжественном построении 33-го выпуска Полицейской академии в Броргарде. Девственно новенькие, еще не вкусившие пота наручники оттягивали ремень; револьвер, уверенный в себе, ждущий часа, пассивный судья, отдыхал в кобуре; на груди приколотый к форменной рубашке отвечал на биение сердца жетон — он с предельной ясностью суммировал все, что я из себя представлял, чему служил и во что верил. Он был моим удостоверением, моей основой, моим допуском к правде...

А вот и мы, выпрыгиваем из машины в аллею, гравий гремит под ногами. А вот и ты, судорожно дергаешься, и стоптанный башмак соскакивает с ноги при попытке сделать спурт с места. Я вижу, как ты смотришь через плечо, глаза выпучены, рот открыт. Ты пытаешься убежать.

«Стой, ублюдок, или я разнесу твою башку!»

Ты опять смотришь через плечо, тут же сворачиваешь в переулок и чешешь напрямик к подворотне. И ты, и я, мы оба знаем: если тебе удастся до нее добежать, ты исчезнешь там, как крыса в норе, да? Ладно, подумай хорошенько, ослиная голова, почему тебе не светит туда добраться, а? Потому что прежде тебя перехватит мой напарник, он ждет тебя вон в той машинке. Ах, ты уже все понял?

«Стой, тебе говорят! Или я стреляю!»

Ты снова сворачиваешь в аллею. Интересно, ты так же шустро бегал, когда вырвал из рук старушки кошелек? Хотя куда ей было за тобой угнаться. Ты сбил ее с ног, дрянь ты этакая.

Достаточно. Споткнулся, не так ли? Теперь ползаешь у меня под ногами и выпучиваешь глаза. Что ж ты закрываешь руками свою пустую башку, парень? Ты был так смел, когда отнимал кошелек. Если ты такой крутой, почему же теперь ты ползаешь под ногами у какого-то копа, а? Отчего же сейчас ты такой беспомощный? Отвечай, ублюдок!

Я стою над ним, тяжело дыша. Он смотрит на меня своими выпученными глазами. Рот открыт, губы дрожат, по подбородку текут слюни. От него воняет — он обделался от страха.

Я смотрю ему в рот, он мямлит: «Что ты ко мне пристал? Я ни-

чего не сделал. Что ты ко мне пристал?»

Мой кулак бьет ему в лицо с такой силой, что мне хочется заорать. И я действительно ору: «Ах, ты, ублюдок, а ну, покажи, на что ты способен!»

И другим кулаком бью его по лицу. Я со всей силы луплю справа и слева, для большей устойчивости встав на колени. Он визжит: «Не надо! — Кровь хлещет из носа. — Я хороший. Мистер, пожалуйста, не надо, я хороший».

Да, ты был хорош, когда ограбил и сбил с ног старушку, что живет через улицу от тебя. Ты очень хорошо сделал, что отнял ее маленькое пенсионное пособие, не так ли, негодяй?

Весь в крови, он отваливается на гравий. Подходят сержант и мой напарник, оба запыхались от бега. Я встаю, заправляю рубашку и отряхиваю брюки.

Сержант спрашивает: «Что случилось?»

Следом мой напарник: «С тобой все в порядке?»

Я говорю: «Этот ублюдок напал на меня, пытался вырвать револьвер, вцепился в горло, пришлось ему врезать».

Сержант смотрит на расквашенное в кровь существо, которое пытается привстать, и говорит: «Виновен». Мы запикиваем парня на заднее сиденье и отчаливаем.

Собралась толпа зевак. Кругом слышно: «Они избили мальчика».

Да, избили. Я избил.

«Альфа 2-3, код 3, задохнулся ребенок, не дышит, машина «скорой помощи» уже в пути».

Полиция должна зарегистрировать несчастный случай. В момент сообщения я нахожусь на Коммершл-бульваре, совсем рядом. Я до упора жму на газ, делаю резкий разворот, резина визжит, включаю сирену и мигалку и несусь по указанному адресу. Для копа нет ничего важнее ребенка, попавшего в беду.

Издали я замечаю человека, стоящего посреди улицы и отчаянно размахивающего руками. Я торможу у тротуара, выскакиваю из машины, хватаю кислородную подушку и бегу в квартиру. Дверь открыта, на диване плачет молодая женщина.

Детская комната. Винни-Пух, плюшевые игрушки, голубые кораблики, желтый воздушный змей, малюсенькая маечка, малюсенькие кроссовки. Я заглядываю в кроватку, там — годовалый малыш в голубом джемпере лежит на спине, шея напряжена, лицо красное. Я бросаю кислородную подушку в сторону: у меня нет времени с ней возиться. Выхватываю малыша из кроватки и кладу его голову на свою ладонь.

Кожа у него холодная. Но не мертвенно-холодная.

Я заглатываю воздух, закрываю ему ноздри, прижимаюсь губами к его роту и осторожно делаю выдох. Я повторяю процесс снова и снова. Всякий раз я вижу, как маленькая грудная клетка приподни-

мается и опускается. Родители стоят в дверях, у отца ошарашенное выражение лица, мать по-прежнему в слезах. Я наклоняюсь и опять делаю выдох. Вдруг малыш икает, упирается в меня ножками и раздражается таким ревом! Его тельце содрогается, он заглатывает воздух. Слюна течет мне на рубашку, ручонками он хватается за мой воротник, он дышит! И ревет. И дышит.

Я провожаю взглядом «скорую помощь», в которой сидят родители с ребенком, потом сажусь в теньке на скамейке и пью лимонад. Очень вкусно. Я снова подношу бутылочку к губам и замечаю, что у меня трясутся руки.

«Зачем ты развернулся? Что ты там увидел? У нас на 8 заказан столик. У нас нет времени...»

«Погоди, дорогая, что-то там не так, в том магазине на углу».

«Что-то не так! И из-за этого ты возвращаешься назад, когда мы опаздываем в ресторан? Ты уже отдежурил. Ты уже не на службе!»

«Да, но что-то там не так. Какой-то тип ошивается у витрины, а напротив, в телефонной будке, стоит его дружок».

«Кого ты из себя корчишь? Джона Уэйна? Ты хоть когда-нибудь можешь не думать о работе?»

«Ладно, черт, они все равно смылись. Наверное, просто присматривались. Ну, ну, дорогая, не злись. Я же должен был проверить».

«А если бы они не смылись? Что тогда?»

«Не знаю. Ну, понаблюдал бы за ними, и все. Но ведь они ушли, давай забудем о них».

«Я не хочу играть в копов и грабителей, когда нас ждут на ужин».

«Угу».

«Я хочу, чтобы мой муж всегда был нормальным человеком и лишь иногда полицейским. Я хочу, чтобы мне ничто не напоминало, что у меня муж — коп».

Молчание.

Три подонка в голубом «торино». Я прицелился им задницу. Они выскакивают из машины и разбегаются по автостоянке. «Стой!» — кричу я в громкоговоритель и сосредотачиваюсь на водителе, который собирается перебраться через канаву, но спотыкается и падает. Он смотрит на меня, встает и пытается бежать, хотя видит, что у меня в руке револьвер. Черт побери, по правилам игры я не могу стрелять первым. Подозреваю, что ему об этом известно. Я наваливаюсь на него, обхватив за шею, и валю на землю. Мы оба скатываемся в канаву. Тут я осознаю, что парень не из хилых, около метр девяносто, 110 килограммов, крепкие мышцы.

Мы катаемся по земле, не давая друг другу встать на ноги, и попутно обмениваемся несколькими ударами, после которых мне становится ясно, что если я что-нибудь срочно не придумаю, мне переломают все кости. Я тычу револьвером ему в лицо и ору: «Я вышибу твои мозги!»

«Не-ет!» — ревет он и, как медведь, наваливается на меня. Мы снова падаем в канаву. Я встаю на колени, он обеими руками хватается за мой револьвер, пытается вырвать. Я тоже вцепляюсь в револьвер обеими руками.

Лицом к лицу, мы стоим на коленях, револьвер между нами, никто уже не кричит, мы лишь пыхтим и чертыхаемся. Кажется, он чувствует, что мне страшно. Его перевес все ощутимее, он уже ухмыляется, его руки, как стальные клещи, сдавили мои и медленно разводят. Я отчетливо представляю, что сейчас произойдет, когда этот ублюдок отнимет у меня револьвер.

Я знаю, что он собирается меня убить. Я хочу нажать на курок. В кого бы ни попала пуля — в меня или в него. Я напрягаюсь, приготовившись откинуть голову в тот момент, когда произойдет выстрел, как вдруг вижу, как чей-то черный начищенный ботинок бьет моего противника по голове. Его глаза широко открываются, но руки все так же сдавливают мои. Тут нога в черном блестящем ботинке наносит ему новый удар по левому уху. Я слышу крик: «Получай, ублюдок!» Он ослабил хватку, я вырываюсь и падаю на спину, увидев, как три копа спрыгивают в канаву и молотят моего приятеля. Теперь я слышу только его стоны, я лежу на спине, смотрю в небо и тяжело дышу. Потом вижу черные ботинки, правый, как и край штанины, — в крови. «Ты мой должник, Чероки».

Уолтер производит впечатление человека несерьезного. В сущности, так оно и есть. Seriously он относится только к любимой жене, что же до всего остального, то он свято верит, будто жизнь дается человеку исключительно для удовольствия. Он быстро соображает и за словом в карман не лезет, на брифингах, к всеобщему удо-

вольствию, отпускает шуточки в адрес новеньких и разыгрывает нашего лейтенанта. Но во время патрулирования улиц он подтянут, вежлив, аккуратен, действует быстро и четко. Просто он не относится к этому серьезно, вот и все.

Уолтер не может знать, что Элвин с тремя друзьями собирается повернуть дельце, потому-то хозяин рыбного ресторанчика и включил сигнализацию. Диспетчер в Управлении передал информацию по патрульным машинам, и Уолтер направляется по указанному адресу. Он не придает вызову значения: слишком много подобных сигналов поступает в полицию, и, как правило, большинство оказывается ложными. Или неисправна система сигнализации, или клерк случайно задел кнопку. Прекрасное воскресное утро, 10 часов, на переднем сиденье машины Уолтера все еще валяются недочитанные газеты.

Уолтер направляется к двери ресторана, не подозревая, что трое дружков Элвина, сидящих в автомобиле напротив, уже заметили его и предпочли смыться, не дожидаясь Элвина. Уолтер входит в ресторан и сталкивается с Элвином, спешащим к выходу. Уолтер держит в руках блокнот и авторучку, в руках Элвина — автоматическая винтовка. Он трижды стреляет, Уолтер падает на пол, Элвин перешагивает через него и выбегает на улицу. Но дружки уже смылись. Тогда он возвращается назад и видит, как Уолтер говорит по радиации: «Помогите, я ранен». Те из нас, кто слышит эти слова, не узнают голоса Уолтера. Мы торопимся на место трагедии.

Элвин наклоняется над Уолтером, вытаскивает из его кобуры револьвер и делает один выстрел в ухо. Завладевает ключом от полицейской машины и уезжает на ней.

Когда мы врываемся в ресторан, мы застаем там только Уолтера. Он мертв.

Полиция была поднята на ноги. Вскоре все четверо нашлись, трое получили пожизненные сроки, Элвина приговорили к смертной казни на электрическом стуле. Если бы я только мог, я бы поехал в ту тюрьму, где казнят Элвина, и сам бы включил рубильник.

Я правда этого очень хочу.

«Эй, малышка, я пришел. Извини, что так поздно. Было много писанины».

Молчание.

«Эй, у тебя все в порядке? Как прошел день в школе? Узнала чего-нибудь интересное?»

«Ты видел газету? Ту, в которой про тебя на первой полосе?»

«Да. С ума там все походили, дело в том, что...»

«Там написано, как ты и твой напарник избили несчастного мальчишку за то, что он разбился на своей машине. Еще бы не сойти с ума от такого! Парень хотел уйти, а ты набросился на него, избил, а потом надел на него наручники. Боже!»

«Бог ни при чем...»

«Хорошая тема для шуток, не так ли? Ты знаешь, как расстроилась мама! А мои друзья! Все теперь спрашивают, как после всего этого я могу жить...»

«После чего именно? В газете написали, что этот парень украл машину? Что он врезался на ней в жилой дом? Что он наглотался наркотиков? Что он часто ворует машины? Послушай, малышка, в газете не вся правда, им она не нужна...»

«Твое имя — но это и мое имя — на первой полосе, а ты просто злобный коп, ты чудовище».

Развод осуществлен быстро, мило и жестоко. Наш маленький дом продан, мы покидаем его и разъезжаемся в разные стороны.

Ее нет. Теперь я — разведенный коп. Кружу по городу в новеньком «файрберде» с затемненными стеклами и чувствую, как меня гложет тяжелое, холодное одиночество. Мне любопытно мое новое состояние свободы, но я еще не знаю, ударюсь ли я в разгул или замкнусь в себе, лишь изредка выглядывая наружу, скептически оценивая всякого, кому захочется заглянуть внутрь моей раковины.

Меня отстранили от патрулирования. Я прохожу обследование на психическую пригодность к полицейской работе.

Через семь кварталов по Санрайз-бульвару преследование заканчивается. «Кадиллак», в котором сидит Эконом с двумя друзьями, резко тормозит, подняв облако пыли. Я знаю, что Эконом вооружен.

Ладно, теперь посмотрим, как стреляет коп.

Пол останавливается почти вплотную к «кади», я подъезжаю

справа. Мы открываем двери, и я вижу, как потная черная рука с пистолетом показывается из правого переднего окна, раздаётся выстрел, и рука спокойно возвращается внутрь.

Пол под прикрытием двери стреляет в парня на заднем сиденье. Осколки стекла летят тому в лицо, он оседает вниз. Экономист присел на пол машины, он рассчитывает, что мы останемся под прикрытием дверей, призывая оттуда сдаться, и в этом его смертельная ошибка. Когда он высовывается, чтобы оценить обстановку, его взгляд упирается в отверстие ствола полицейского револьвера.

Они убили копа, убили копа, убили копа — а теперь стреляют в нас. Я убью их!

Бросок вперед, ближе к цели. Я знаю, сейчас он высунется, револьвер у меня в руке, не прицеливаясь, стреляю дважды ему в лицо. Первая пуля попадает в край стекла двери, осколки летят ему в голову. Вторая пуля проходит между глаз, он откидывается на спину, он мертв.

Прибывают другие машины полиции, бегут копы. Водитель «кади» поднимает руки. Потом, как обычно, суматоха, шум-гам, мигалки, «скорая помощь» и капитан.

Я все еще чувствую, как бегу к «кади», сжимаю револьвер, стреляю в Экономи. Он убил полицейского, а я убиваю его. И теперь стою перед вами и перед Богом и говорю: «Я поступил правильно!»

Патрулируя улицы, я боролся за правду и, естественно, нес потери. У меня была та же проблема, что и у многих полицейских: я верил в правоту своего дела. Я выезжал в ночь, вслушиваясь в сообщения по рации. Я слышал вас, когда вы звали на помощь. Вы звали не адвокатов, не репортеров, не судью, не мэра и не влиятельных лиц — вы звали меня. У меня был револьвер — так уж сегодня устроен мир. Я приходил, чтобы защитить от того, кто грабил вас. Вы спали, а за окном вашей спальни уже стояли люди, готовые изнасиловать вашу жену, украсть вашу дочь, бросить ее труп в сточную канаву. Готовые уничтожить все, что вы создали. Готовые войти в ваш дом, вашу крепость, ваше убежище, забрать все, что хочется, разбить оставшееся и нагадить на полу вашей кухни.

Кто мог их остановить? Я.

Когда боялись вы — я чувствовал ваш страх. Когда вы кричали — мне было больно. Когда вы истекали кровью — я плакал. Я стоял в вашей гостиной и переживал вашу утрату: цветной телевизор, мамино кольцо, дочка — а ей было всего 17. Когда вы умирали на мостовой, я склонялся над вами, чтобы солнце не слепило вам глаза. Я носил на груди могущественный стальной жетон, и он давал мне право на все это.

Меня часто критиковали и наказывали. И все же я продолжал действовать так, как считал нужным, зная, что мои критики — лишь пустое зеркальное отражение всего того, что воплощал в себе я. Они существовали лишь за счет моего мужества, их бумажная реакция на мои поступки была проявлением желания меня контролировать. Они никогда не знали той жизни, которую знал я. В ней они не смогли бы функционировать.

Был ли я плохим полицейским? Повернулся ли я спиной к нашим законам, правам и свободам?

Нет.

Я никогда не нарушал сути закона. Суть закона чиста, пусть даже сам закон извращен самовлюбленными оппортунистами и лицемерными властолюбцами.

Я поднял ваш меч и встал против тех, кто причинял вам боль. Каждый день мои силы, мои нервы истощались, каждый день я терял какую-то часть себя самого.

Все, что я делал, я делал для вас. Я делал только то, что считал правильным.

(Сержант Чероки Пол Макдоналд ушел из полиции Форт-Лодердейла после десяти лет службы.)

Сокращенный перевод В. СИМОНОВА

МЫ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДКОВ

В. ШНАЙДЕР,
немецкий журналист

Вожак Люит был настоящим тираном. Он правил своим царством с помощью кулаков и тумачков и желал, чтобы все красавицы его племени принадлежали только ему. В массах зрело недовольство. И все это продолжалось до тех пор, пока бунтовщики Ероен и Никки не объединились и не убили злодея. Это было первое «политическое» убийство такого рода, зарегистрированное в зоопарке голландского города Арнхайм. Преступниками и жертвой были обезьяны шимпанзе.

Орангутан Чантек получал от зоолога-исследователя Лин Майлз кусочки фольги в качестве гонорара за хорошо выполненные задания. На эти кусочки фольги он мог «покупать» себе фрукты и сладости. Обезьяна быстро «смикитила» и стала работать просто как зверь, чтобы потом всласть покутить. Все было прекрасно, но в один прекрасный день Чантек попытался всучить Лин «фальшивые деньги» — подобранные где-то кусочки фольги от жевательной резинки. Фальшивомонетчик был вовремя схвачен за руку, вернее за лапу, и его преступная деятельность была пресечена: Лин пустила в оборот другую валюту — металлические монеты.

У гориллы — красавицы Минни обнаружились проблемы другого рода: она влюбилась в одного из приятелей своего мужа-повелителя. Но где можно было сыскать место для тайных свиданий на огороженной территории зоопарка? В конце концов изворотливая пылкая влюбленная нашла выход. Она научилась прятаться за выступом скалы так, что ее господин мог видеть лишь ее голову и обманно-обворожительную улыбку «от уха до уха». Она улыбалась, а невидимый за скалой ухажер обнимал ее за талию и пытался вести с ней запрещенные игры.

Три примера, а вывод один: ничто человеческое не чуждо нашим диким сородичам. Коэффициент интеллектуального развития самой умной в мире обезьяны — гориллы Коко — 85 баллов. Это точно посередине между слабоумием, оцениваемым в 70 баллов, и средним человеческим уровнем интеллектуальности — 100 баллов. Коко, как свою собственную дочь, вырастила американский ученый-исследователь Фрэнсин Паттерсон. Обезьяна владела 375 понятиями из языка жестов, которому ее обучали.

Отмечается, однако, прогресс и в плохом. В обезьяньем мире появились «нехорошие дамы» — представительницы самой древней женской профессии. Красавицы-шимпанзе без подарков и подношений любви своей не дарят.

Перевела с немецкого С. КАВТАРАДЗЕ

ТОРЕРО МАРИЯ

Я

помню, как она родилась и какая она была кроха. И не выносила — такое не придумаешь — коровьего молока, и мы все — и Антуан, ее отец, и мама Шанталь, и я — бегали по Парижу в поисках кормилицы. Помню ту моложавую канадку с щедрыми формами, которая выручила нас. И если бы мне сказали тогда, что этот розовый орущий комочек с огромными глазами цвета тропического моря, как у ее отца, однажды станет знаменитой Мари-Сара, признанной лучшей женщиной-тореро в мире и единственной достойной стать наследницей великой Кончиты Цинтрон, если бы кто-нибудь даже предсказал это чудо, я бы не поверил. Даже если бы Шанталь, эта сошедшая с картин Гюстава Доре цыганка с глазами лани и волосами цвета летней ночи, вдруг воскликнула бы прямо в родильном доме: «Она будет тореро!», я бы подумал, что роды помutilи ей рассудок.

Однако в начале осени 1991 года на нидерландском стадионе Кончита Цинтрон возложила свою невидимую корону на голову Марии. И произошло это — о чудо! — тридцать лет спустя, день в день, после того, как Кончита навсегда оставила корриду, чтобы сыграть свадьбу со знатным португальцем Франсиско да Камара Кастело Бранко, чье предложение руки и сердца было категорическим: «Или коррида, или я, если ты станешь моей женой». Кончита опустила долу глаза, в которых всегда горела воля к победе над разъяренным быком, поправила выбившуюся прядь каштановых волос (именно каштановых, хотя все звали Кончиту «белокурая богиня») и тихо ответила: «Я выбираю тебя». Эта клятва была произнесена в Лиссабоне в часовне при дворце графа Рибейра перед Богом, бывшим королем Италии Умберто и самыми знатными людьми Испании и Португалии. После чего Кончита, про которую я забыл сказать, что к тому времени ей было всего двадцать восемь и что она была по национальности перуанка, хотя родилась в семье пуэрториканца и ирландки в Чили, сложила свои шпаги, раззолоченные костюмы, многочисленные призы в чемодан, разорвала пачку контрактов, каждый из которых стоил сотни тысяч в разных валютах, и посвятила себя детям, которых вскоре у нее стало шестеро.

Но вернемся к нашей Марии, дочери, как уже было сказано, Антуана Бурсейе, знаменитого во Франции режиссера и директора «Опера де Нанси», и киноактрисы Шанталь Дарже. Кроме того, что коррида — это тоже искусство и спектакль, ничто больше не связывало Марию по семейной линии с быками. Так что в пору говорить о провидении.

Корриду Мария впервые увидела в шестнадцать лет в Камарге. И вернувшись в Париж, заявила ничего не понимающему папе с мамой, что с лицом Кондорсе покончено, потому что она должна

Жан Ю,
французский журналист

стать тореро! Папа рухнул на диван, мама выстояла, потому что знала, что в Париже быков нет даже в Булонском лесу. Однако рождение будущей Марии-Сара уже состоялось, и папе вскоре пришлось обзванивать знакомых, чтобы найти телефон некоего Жана Лакутюра, журналиста, пишущего о корриде: «Моя дочь, извините, хочет стать тореро, подскажите, кто бы мог с ней на эту тему поговорить...» — «В Ниме есть один молодой человек, бывший тореро, он сумасшедший, это как раз для вашей дочери...»

Мария в тот же день отправилась в Андалузию. Там и состоялась их встреча. Встреча? Нет, там в Андалузии они не говорили, они влюблялись друг в друга. «Как только я увидел ее, — сказал потом мне бывший тореро, молодой человек и мой приятель Симон Касас, — я подумал: «Это Она! «Она» с заглавной буквы! Я уже знал, что мы полюбим друг друга. И она, как оказалось, тоже об этом знала. Что было потом — ты тоже знаешь...!» И в отличие от Франсиско, потребовавшего от Кончиты во имя любви уйти с арены, Симон во имя все той же любви вывел Марию на арену, однако все же поинтересовался: «А умеете ли вы ездить на лошади?» — «Нет». Она ничего еще не умела, но это было не главное. Главное было то, что она была готова учиться всему. И тому, чтобы и в дождь, и в зной идти за многие километры на ферму, чтобы каждый день приближаться к своей детской мечте. «Когда я думаю, что в детстве я боялась лошадей, — говорила как-то Мария, — я начинаю хохотать». Потому что лошадь и Мари-Сара на арене смотрятся как одно целое, и это уже вопрос жизни и смерти.

Четыре года Мария училась сначала во Франции, потом на самых знаменитых фермах Испании. Четыре года подъемов на заре, чтобы кормить лошадей, чистить стойла, четыре года работы дотемна над такими, кажется, мелочами, как, скажем, правильная осанка, без которой нельзя

научиться наносить точные уколы шпагой, без чего нельзя научиться всерьез остальному. Четыре года, прежде чем в Валенсии на маленькой провинциальной арене она победила первого в своей жизни быка. Это было в 1984 году. С тех пор она выступала и во Франции, и в Латинской Америке, и в Испании, и в Лиссабоне, столице конных тореро, где после Кончиты не осмеливалась выступить ни одна женщина и где сам президент Португалии Марио Соареш приветствовал Марию после корриды.

Такой она стала теперь, девочка, которую я видел в коляске на Больших Бульварах. «Конечно, надо было выбирать: или идти на сцену, или убивать быков», — говорит она смеясь. «Она могла бы выбрать что угодно, ей бы удалось все», — продолжает список жертв, принесенных Марией во имя корриды, Симон Касас. Но она выбрала корриду, и великая Кончита благословила этот выбор и нарекла Марию Мари-Сара.

Перевел с французского
С. ВИКТОРОВ

NIRVANA
NIRVANA

пентабельной джаз-дивы. Свою карьеру она начинала в панк-группе «X-Ray Spex», однако, будучи яркой поклонницей соула и блюза, вскоре перебралась в ритм-энд-блюзовый коллектив «The Vipers, The Vicars And The Screaming Abdabs». Здесь она впервые попробовала себя как композитор — ее вещь «Nobody's Diary» стала прощальным хитом группы «Yazoo». (Чуть позже вместе с Винсом Кларном, который только что вышел из состава «Depeche Mode», Э.М. написала песню «Only You».)

Получив тысячу фунтов стерлингов аванса от фирмы Mute Records, Э. М. и Кларн всего за неделю сделали «Yazoo» коммерческой сенсацией 80-х, продав более 300 тысяч экз. первых двух синглов: ярко выраженный имидж Э. М. удачно сочетался с мастерством Кларна-исполнителя и аранжировщика.

Альбом «Upstairs At Eric's» вышел на 1-е место нац. хит-парада — казалось, ничто не угрожает «Yazoo» как одной из самых удачливых групп синтез-попа 80-х, однако дуэт принял решение разойтись еще до записи второго альб. «You And Me Both», что было обусловлено творческими разногласиями и желанием Э. М. работать с живыми музыкантами, а не с компьютерами и ритм-машинами.

В 1984 г. сольные синглы Э. М. «Love Resurrection» и «All Cried Out» вышли на 10-е и 8-е место англ. хит-парада, а дебютный альб. певицы разошелся более чем миллионным тиражом, сделав Э. М. ведущей вокалисткой британского «легкого» рока. Вслед за этими работами Э. М. записала классическую вещь Билли Холлидея «That Ol' Devil Called Love» (1985 г., 2-е место в Англии) и снялась в телепередаче, посвященной англ. джазу.

Второй диск оказался чем-то вроде реминисценции на темы техно-рока, но третий альб., вышедший летом прошлого года, получился по-настоящему сильным (продюсер и соавтор — Пит Гленистер). Э. М. нащупала свой собственный путь в музыке, хотя недоброжелатели теперь сравнивают ее с Энн Леннокс из «Eurythmics».

Пл.: Alf, 1984; Raindancing, 1987; Hoodoo, 1991.

«MUD» («Мад»), группа «Грязь» образовалась в 1973 г. в Великобритании.

Состав: Лес Грей, вок.; Роб Дэвис, гит.; Рой Стайлз, бас; Дэйв Маунт, уд.

Как и «Sweet», их коллеги по фирме грамзаписи RAK, «М.» работала на стыке хард- и баблгам-рока, исполняя главным образом композиции Ники Чинна и Майка Чепмена. Правда, в отличие от «Sweet», «М.» так и не удалось пробиться на амер. рынок.

Среди англ. хитов группы можно выделить следующие: «Dyna-Mite» (1973, 4-е место), «Tiger Feet» (1974, 1-е место), «The Cat Crept In» (1974, 2-е место), «Rocket» (1974, 6-е место), «Lonely This Christmas» (1974, 1-е место), «The Secrets That You Keep» (1975, 3-е место) «Oh Boy» (1975, 1-е место) и «Moonshine Sally» (1975, 10-е место).

В 1975 г. «М.» прервала отношения с фирмой RAK и перешла под крыло Private stock, где записала такие мощные вещи, как «L-L-Lucy» (1975, 10-е место), «Show Me You're A Woman» (1975, 8-е место) и «Lean On Me» (1976, 7-е место). В 1978 г. группа переместилась на фирму RCA, однако неудача первого же альб. привела к тому, что «М.» распалась, и в настоящее время следы участников группы затерялись.

Пл.: Mud Rock, 1974; Mud Rock, Volume 2, 1975; Greatest Hits, 1975 (сборник); Use Your Imagination, 1975; It's Better Than Working, 1976; Mud Pack, 1977; Rock On, 1978.

«MUDHONEY». Группа «Мадхани» образовалась в 1987 г. в США.

Состав: Марк Арм, вок., гит.; Стив Тернер, гит.; Мэтт Льюкин, бас; Дэн Питерс, уд.

Группа возникла в эпицентре так называемого «сиэттлского взрыва» 1987 — 1989 гг. одновременно с такими известными сегодня коллективами, как «Nirvana», «The Melvins», «Coffin Break», и почти сразу же стала лидером этого движения. Стиль «М.» — «гаражный» блюз/панк-рок а-ля «The Stooges» и «MC 5» во многом характерен для сиэттлской школы, хотя группа звучит значительно «тяжелее» большинства своих единомышленников (в числе тех, кто оказал на них наиболее сильное влияние, музыканты «М.» называют «Black Sabbath» и «Blue Cheer»).

М. Арм и С. Тернер появились на «независимой» сцене Восточного побережья США в середине 80-х гг. — они оба играли в «Mr. Epp», затем в «Limp Richard», а позже собрали собственную группу, которую назвали «Green River». «Green River» дебютировала с синглом «Together We Never», вслед за которым выпустила EP «Come On Down»; после записи двух альб. (в одном из них участвовал Ким Гордон из «Sonic Youth») группа раскололась на две, одна из которых под новым названием «Mother Love Bone» получила контракт в PolyGram Records.

Арм и Тернер пригласили в свою группу Д. Питерса и работавшего в «The Melvins» М. Льюкина, взяли название «М.», заимствованное из скандально известного фильма режиссера Рассы Мейера «Greatest Tits». В августе 1988 г. появился дебютный сингл «М.» «Sweet Young Thing Ain't Sweet No More», а в январе 1989-го — второй, «Need». Благодаря умелому промоушену Джона Пила в Великобритании, эти синглы вошли в Top 10 «инди чартс» и подготовили почву для успеха дебютного альб. «Superfuzz Bigmuff»; в марте 1989 г. диск возглавил независимый хит-парад Англии.

В это время «М.» уже предприняла крупное европ. турне вместе с «Sonic Youth». Триумфальные англ. гастроли, совпавшие с выходом третьего сингла «You Got It. Keep It Out Of My Face», ознаменовали собой апогей стремительного взлета молодой группы.

Осенью 1989 г. вышел второй альб. «М.», принесший группе популярность и на родине, значительно расширив аудиторию поклонников. Однако критика приняла новую работу настороженно, назвав ее «сглаженной и расфокусированной», а группу обвинила в потере эмоционального заряда, характерного для первых ее композиций. В творчестве «М.» действительно наметился спад, продолжающийся — судя по третьему студийному диску — и по сей день.

На этом фоне очень выигрышно выглядит первый сольный сингл М. Арма: выбрав для дебюта классический блюз Б. Дилана «Masters Of War», лидер «М.» напомнил поклонникам группы о своих музыкальных корнях и, похоже, вступил в стадию творческой зрелости.

Пл.: Superfuzz Bigmuff, 1989; Mudhoney, 1989; Every Good Boy Deserves Fudge 1991.

ПЕСНИ, ЧТО ДАЛИ НАМ ИМЕНА

Эдгар Л. ДОКТОРОУ
американский журналист

Великие Песни и Мужчины, Которые Их Создавали... Обязательно из бедных семей, чаще всего эмигранты, они представляли перед всем светом не раньше, чем в шестьдесят или семьдесят лет — сначала их открывали архивисты, интервьюеры, профессора популярной культуры, затем их представляли на вечерах песен или воспоминаний, которые проходили под строгим контролем советов по культуре, затем о них снимались документальные фильмы — потому что публика давно уже считала их мертвецами: песни-то стали классическими. И они, словно вампиры, восставали из своих гробов в слегка сбитых набок тупеях. Они обнимали блондинок выше себя ростом, в переливчатых и тугих, как футляр, платьях, густо накрашенных перезрелых блондинок — дамы уже не выглядели сильно моложе самих композиторов, но по-прежнему были торжественно сексуальны. Первое, что вы замечаете в мужчинах, которые писали песни, — это их всепобеждающее самодовольство. Они берут вас за ладьяны и, нос к носу, сообщают все, что вам надлежит знать об их величии. Они не видят противоречия между собственной славой и необходимостью говорить о ней. Они требуют поклонения, даже если им приходится вдалбливать вам в голову всю ту информацию, из которой должно родиться поклонение. Сигары, ибо это культура сигар, и знания, полученные с анекдотами. Они раскуривают сигары и рассказывают истории из своей жизни, призванные показать, что вся сложность и двусмыслица существования укладывается в несколько простых формул и что вы тоже можете постичь эту науку, если выслушаете их истории. Они богаты, потому что много лет назад создали продукт, который годы и годы приносит постоянный доход — без всяких дополнительных усилий с их стороны. Они проживают в Палм-Спрингсе, но регулярно ездят в Лас-Вегас и каждую осень в Нью-Йорк на премьеры новых шоу. Они любят Атлантик-сити, и Чикаго, и Нью-Орлеан, но всюду ходят только в клубы; они посещают клубы, как другие посещают соборы, и особенно любят показываться в маленьких залах, где выступают новые певцы. Они необразованны, но гордятся своей начитанностью и знанием человеческой природы. Они любят документальную прозу, не беллетристику и уж точно не поэзию, а популярное чтиво о войнах и мемуары государственных деятелей и мировых лидеров. На этой каше они взрастили свою культуру, культуру, которая позволила им коснуться Тайны. Они написали сотни песен, две, или три, или пять из них стали фактами нашего сознания, краеугольными камнями бытия. Вам не надо упрашивать их сестра за рояль и исторгнуть одну из этих определивших наше сознание песен, они это делают с охотой и поют сипатыми, заунывными голосами под невероятно старомодный аккомпанемент. Они непременно сообщат, сколько раз записывалась на пластинки эта песня и кто ее пел, но никому из певцов, как они сообщат вам, не удалось добиться правильной фразировки или интерпретировать ее так, как хотел бы автор. Они продемонстрируют различные варианты прочтения своих песен поп-певцами, исполнителями баллад и шансонье, а затем покажут, как звучит оригинальная версия в собственном исполнении, которое непременно лучше. Неустанно, изматываясь они будут снова и снова проигрывать песню, каждый раз находя ее поразительно новой — хотя они поют ее уже десятилетия; песне тридцать, сорок, пятьдесят лет, она длится одну или три минуты, а они все поют ее и аплодируют себе годы напролет, так и не сумев насытиться ее чудом, ее гениальностью, ее существованием, столь же вечным, как вашингтонский Капитолий или четыре головы горы Рошмор. И вы сидите, недоумевая: как при голосе чуть слышном, при примитивной мелодии, которую извергает брэнчливое, расстроенное пианино, при словах такого уровня, что поэт усмехнулся бы или покачал с

сожалением головой — как при всем этом песня так хороша, так естественно верна, что вас, словно теплое течение, омывает узнавание и вы смеетесь от удовольствия? Как же так получилось, что этот вульгарный язык, это перхающее горло, эти потускневшие, помеченные катарактой глаза, этот примитивный и неизлечимо скучный ум могли создать то, что стало вашим сокровищем, вашей памятью о себе самом, высочайшим мигмом этой памяти, катализатором лучших и благороднейших жизненных ожиданий, когда вы были молоды и смелы и рыцарски идеализировали Ее и кружились, кружились по комнате под сладкие звуки, отмеренные заигранной пластинкой, и имя вашим болезненным, грустным от распухших желез желанием было Любовь?

Чем больше я думаю о песнях, тем таинственнее они для меня становятся. Они остаются в нашем сознании как образ определенного времени; они обладают способностью концентрировать в словах и мелодиях войны и разрушения, духовные процессы, плоды жизненного опыта и, подобно молитвам, утишают горе потерь. Благодаря им люди обретают жизнь. Они вдохновляют консерваторов, берегающих свою страну, и революционеров, разрушающих ее. Но ведь они такие простые и короткие — маленькие товарного вида припевы к жизни. Их ритмы вводят нас в определенное настроение, которое открывает путь другим настроениям. И сила их воздействия именно в том, что они не могут длиться вечно. Не только простота, но и краткость делает их универсальными и доступными до такой степени, как ни одна иная форма искусства. Вдохнуть жизнь в мотивчик со словами — значит совершить огромное насилие над реальностью, но благодаря этому они и обладают своей всепокрушающей магией.

Колыбельные, детские песенки, псалмы, боевые гимны, рабочие песни, куплеты, любовные романсы, непристойные песенки, реквиемы... Они сопровождают нас на протяжении всей жизни, в ангельских голосах церковного хора и во всхлипах разбитого пианино в борделе. Но все песни суть оправдание обстоятельств.

Вот чего не существует, так это научных песен, по крайней мере, я о них не слыхал. Нет песен, которые повествовали бы о силе гравитации, о том, что тела притягиваются с силой, обратно пропорциональной расстоянию между ними. Наука сама оправдывает свое существование и не нуждается в иных сатисфакциях. Однако и наука кое-что может сказать о песнях — она формулирует законы природы и языком уравнений говорит: баланс вполне возможен даже в тех случаях, когда нечто находится в явном дисбалансе. Так и песни — средство добиться баланса. Когда певец вопрошает: «Почему ты так поступила со мною, почему разбила ты сердце мое?», — формула предполагает, что степень предательства эквивалентна крику боли; горе — квадратный корень из любви, помноженный на правдивость ситуации. Чувства перетекают одно в другое со скоростью, с какой трансформируются частицы на податомном уровне, и, достигнув критической массы, песня взрывается, словно вулкан — но общая сумма чистой энергии остается константной. Мы сразу же вычисляем настоящему хорошую песню: как и формула, она применима ко всем, не только к поющему.

Существуют песни, принадлежащие всем поровну — их авторство анонимно. И есть песни частные, которыми по закону об авторских правах владеют композиторы. Народные песни спускаются с гор, выползают из шахт и, подобно свисткам паровозов, тают вслед ночным поездкам. Их ритм — это ритм ударов молота по горной породе. Это

одни песни. Другие сработаны за пианино, их ритм выжжен в черном теле инструмента выпавшими из пепельниц сигаретами, а течение аккордов прерывается лихорадочным скрипом карандаша по нотной бумаге.

Мы отличаем анонимное от авторского, старое от современного, любительское от профессионального. Мы отличаем мотивы — одно ощущение реальности от другого. Голос, который находит слова, чтобы описать боль. Голос, который находит слова, чтобы заразить болью.

Но основное отличие — это отличие между устной культурой и письменной. Бессмертные народные песни — те же песенные стандарты, только созданные устно, без нотной записи и заботы о регистрации авторских прав. Но каждая так называемая народная песня все же имеет своего автора, или, возможно, двух. И все же если песня не записана ее создателем на бумаге, у него нет способов защитить ее или предусмотреть, чтобы другие исполняли ее так, как он задумал. Возможно, создатель этого и не хотел, а, может, и не предполагал, что такое вообще бывает.

Устная культура горда, созидательна и побуждает к сотворчеству — в ней дающему сразу же и воздается и не всегда понятно, где кончается «я» и начинается «мы». Поэтому созданная, а не написанная песня с течением времени претерпевает — или страдает — от изменений, поправок, добавок, улучшений, по ней проходятся шкуркой, полируют, протирают рукавом, любовно дыша на блестящую поверхность. И вот она стоит, благородная в своей простоте и отливающая пшеничной желтизной, словно старый деревенский комод.

«О вы, благородные леди, что ждете вы от мужчин? Словно летние звезды сверкают они, но по осени все исчезают...» В этих строках сосредоточена нежная печаль веков, совет, пригодный на все времена. Вы помните, как сидела она в мансарде вон того дома, что возле железнодорожных путей, и день за днем, вечер за вечером, шурясь от яркого солнца или напряженно вглядываясь в лиловатый сумрак звезд, озирала чудовищно монотонные поля? На закате на низкий горизонт вплывали телеги, груженные снопами, рядом с телегами шли мужчины и тряслась позади механическая жатка — издали тарахтенье напоминало шуршанье накрахмаленных простыней, прерывистые вздохи, мягкий и сытый выдох удовлетворения. Вот протарахтела жатка, прошли косари, проплыло пятиструнное банджо и лютня — вы видите ее? Вот она, та самая женщина, она уже стоит на скотном дворе, в замкнутом квадрате глинобитных стен под соломенными крышами, и только Господь да льняной чепец защищают ее от грязи, в которую ввергнул ее муж и господин.

Зато сегодня песни записываются на бумаге и публикуются и охраняются авторскими правами. Их можно интерпретировать, но нельзя изменять. И умолкли божественные голоса, как замолчал сам Господь, когда люди записали его слова в Книгу. «Скажи мне, когда уехал поезд», — поется в одной старой песне. Вот об этом и речь.

Наверное, первыми песнями были колыбельные. А матери — первыми певицами. Они учились утихомиривать своих визжащих косолазеньких младенцев, имитируя звуки воды — как она льется, кружится, рычит водопадом, шуршит по зеленой траве. Возможно, они понимали, что дети их рождены из воды, которая в надлежащий срок ринулась вниз по ногам-деревьям, а мелодия рождалась еще тогда, когда дети впервые шевельнулись под сердцем, всколыхнув водяной пузырь.

Мы встречаем новорожденных с бесконечным восторгом, эту плоть нашего будущего, этих вульвенышей и пенисолят, наших куколок, ликом подобных Богу; с той же допотопной яростью мы затыкаем уши, когда они вопят по ночам, и сердимся, когда пачкают пеленки. Потому и песни для них двусмысленны — голос утешает, уговаривает успокоиться и заснуть, зато слова полны сюрреалистической мстительности: «Подвешена колыбелька на верхушке дерева, и ветер ее нежно качает. А оборвется веревка — и вниз полетят и колыбелька, и ты». Ну-ка, представьте, как вы летите с дерева вперед башкой, вытянув

ножки и прижав ручки к бокам? Представьте, как стучит по веткам да сучьям ваша крепенькая башка, как листья свистят в ушах? Короче, представьте себе свое собственное рождение. Колыбельные уговаривают спать и предупреждают об ужасе пробуждения — через них мы познаем неразрывность хорошего и дурного. Библия тоже говорит о рождении человека как о Падении.

Во времена Гражданской войны была популярна песня «Земляные орехи». Их продавали в банках — непременный рацион солдат. «Земляной, земляной, земляной орех! Ешь земляной орех! Уписывай, лопай за обе щеки, не есть орехи — грех!» Эта песня представляет собою первую попытку солдатской иронии над воинской славой. Историки утверждают, что Гражданская война была первой из современных войн — то есть в ней машинерия войны, оружие впервые значило больше, чем личная храбрость людей. (Да, это так, потому что солдату отрывало голову снарядам, посланным за милую от места его смерти. Да, потому что тело его было изрешечено, расчленено, измочалено чем-то для него невидимым, и он падал на землю, мертвый еще до того, как его последнее «Мама-а-а!» успевало растаять в воздухе. Имеющий глаза да видит.) Именно поэтому к солдатским бивакам прибилась ирония. Мы, конечно, можем представить себе, как они маршируют под «Боевой гимн Республики», но по вечерам, ожидая рассвета и смерти, они отгоняли холодок, ложившийся на странно молчаливые поля, что так знакомо пахли спелой рожью, холодок, обволакивающий стволы деревьев, холо-

док первых и, может быть, последних в их жизни вечерних звезд глупой песенкой, которую они пели нарочито дурными голосами: «Земляной, земляной, земляной орех! Ешь земляной орех!»...

«Она всего лишь птичка в позолоченной клетке» — эта песня написана на рубеже прошлого и нынешнего веков. Морализаторская, полная укоризны. Молоденькая девушка из-за денег выходит замуж за старика и, совершив это, умирает от того, что нету любви. Популярная культура нашла здесь идеальную форму для выражения своей внешней благопристойности и тайной похотливости. Только представьте, как эта молодая женщина бродит по комнатам огромного мужниного дома — бархатные шторы, гобелены с охотничьими собаками, покрытые плюшем диваны и похожие на трон кресла, толстые персидские ковры, вышитые ленты к звонкам. На руках у нее браслеты из обсидиана, пальцы украшены кольцами, и она церемонно снимает их один за другим, когда садится за рояль. Она вышла замуж за деньги, и деньги запечатали даже окна в этом доме — уличные крики, тарыхтение экипажей приглушены, как ее воспоминания. Ей удалось сбежать из мансарды бедности — промчаться вниз по ступенькам, и растоптанные туфельки хлопали по узким пяткам. А наверху, под крышей, осталась мать, которая воспитывала ее в строгости — ни-ни поглядеть на соседского мальчика. И отец, который знал, что продает. И вот теперь эта птица сидит в своей позолоченной клетке и разыгрывает этюды — никакой другой физической работы она не знает. Скоро ей принесут чай, потом она соснет часок, затем ей приготовят ванну и оденут к ужину — она будет сидеть за длинным столом, напротив мужа. Одинокая, изнеженная узница праздности, она ждет единственного своего действия — это когда в полуосвещенной спальне с помощью супруга станет готовиться ко сну.

«Ее красота куплена золотом старика. И вот теперь она птичка в золотой клетке». Если б эта песня была написана сегодня, то в последнем куплете говорилось бы, как она вытирает следы утренней овсянки со стариковского подбородка и отправляется в медицинскую школу. Но в морализаторской (и лицемерной) атмосфере конца девятнадцатого столетия песня стала диагнозом общего социального заболевания.

С появлением Тин Пэн-элли песня превратилась в индустриальный продукт. И стандарты, установленные этой фабрикой, стали стандартами нашего образного мышления, определившими декады, эры, меняющиеся ландшафты внутреннего мира. Долгое время ставшая городской Америка с тоской смотрела назад, в свое деревенское прошлое: «Когда ты была юной», вздыхала Америка, «Вечером, при свете луны», «На берегу Уобоша», «Старым добрым летом». Затем общественное настроение изменилось — в песнях зазвучали разочарование и намек на мятежную душу: «В моем старом олдсмобиле ты не сможешь зайти со мной так далеко», «В нашем городишке настанут горячие деньки», «Если я не раскатаюсь, ничего не выйдет, крошка».

Созданная по стандартам песня способна восстанавливать саму себя: если вы только произносите слова, вы все равно слышите мелодию. Когда вы мурлычете мелодию, слова сами по себе всплывают в памяти. Это показатель необычайной силы самовоспроизводства — в мире физическом она имеет сходство с ящерицей, восстанавливающей свой хвост, или с размножением методом клонирования от одной-единственной клетки. Песенные стандарты, присущие каждому периоду нашей жизни, закатолизированы в нашем сознании и мы вызываем их из каталога либо целиком, либо по частям. Ничто в такой степени не может вернуть нам прошлый взгляд, ощущение, запах, мы пользуемся песнями-стандартами как обозначениями наших поступков и отношений. Это — бесплатная психотерапия, которую мы применяем сами к себе. Когда вы влюблены, когда думаете о ней и о предстоящем свидании — обратите внимание, какой мотив вы про себя напе-

ваете? Если «Она одна из этих крошек» — значит, скоро вы постараетесь унести ноги.

Мужчины, которые создают Великие Песни, непременно доложат вам свои взгляды на композицию. Главное — простота, скажут они. Чем проще, тем лучше. Потому что песни должны напевать обыкновенные люди — под душем, в кухне. Следовательно, держите мелодию в пределах одной октавы, четырехаккордной схемы аккомпанеента, и, пожалуйста, никаких сложных ритмов! Мужчины, создающие Великие Песни, похоже, и не знают, что эти принципы легли в основу церковных гимнов. Они, возможно, и понятия не имеют, что гимны были первыми хитами. Но они знают эти гимны, которые облагораживали и идеализировали жизнь и скрашивали ее горести и потому были привычно приятны каждому уху. Большинство популярных баллад являются как бы отделенными от церкви гимнами.

Принцип «главное — простота» объясняет, почему многие песни похожи. Можно даже сказать, что песня становится жизненным стандартом, когда она по-настоящему похожа на другие песни-стандарты. Вот почему новая песня кажется нам хорошей только тогда, когда уже при первом прослушивании неуловимо напоминает какую-то еще. В определенной степени так оно и есть — это как наше подспудное знание того, что мы существовали вечно, задолго до даты нашего появления на свет. Стандарт существовал всегда, он был везде, он только ждал соответствующего исторического момента, чтобы обнаружить свое существование.

Когда люди говорят «наша песня», они имеют в виду, что песня существует вместе с ними как некая правда поколения. И вот песня и поколение встречаются, чтобы судьба их стала общей. Песни дают поколениям имена, спасают их от временных ошибок, от антиисторизма. Они имеют свое точное место в культурном континууме. Историческое событие, специфические условия, та самая улыбка, язык, степень веры и безверия, характерный для данной эпохи юмор или танцевальный шаг — все это существует внутри песни. И из этой-то эфемерной субстанции мы сотворяем наше место в цивилизации. На радость или на печаль, но место наше определено.

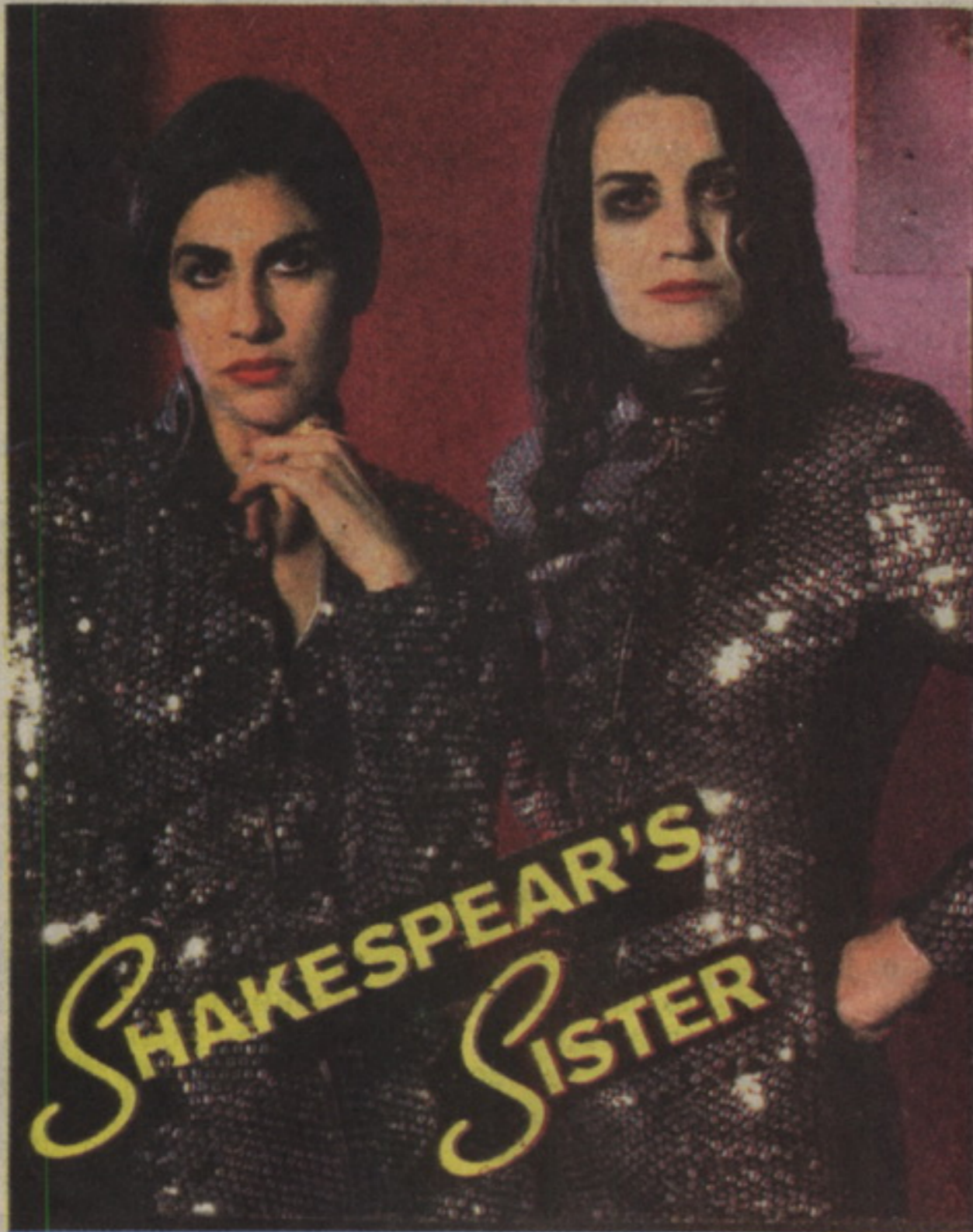
В наши дни разные песни имеют разные места обитания — поп — в кафе, театральные мелодии — на Бродвее, рок — на стадионах, кантри — в пивных, фольклор — на фольклорных фестивалях, госпелы — в церквях, евангелический поп — в церковных телепередачах, блюзы — в джазовых клубах. И в наших песнях мы видим, как расщепляется, распадается Америка. Музыка разных голосов, разноголосица идей и уровней мышления, мешанина настроений, светящихся в глазах певцов — все это теперь мы возвели в ранг институтов, и институты назвали жанрами. А жанры назвали рынком. Песни отправляются на рынок в упаковке пластинок, магнитофонных кассет, компакт-дисков, видеоклипов; приходят в виде рекламных вставок; поставляются концертами. Песни несутся по радиоволнам, одна за другой, спрессованные в такой нон-стоп, что никакого зазора не остается.

Если мы позволяем этой культуре формировать наше восприятие, тогда в особо творческие свои моменты она способна наше восприятие обогащать, но затем наступает как бы противодействие, обратный ход: эта культура становится тюрьмой для реальности, ее песни — тюремными камерами. Вокруг них вырастают заборы, сторожевые вышки, мотки колючей проволоки, через которую пропущен электрический ток — это бесконечные телесериалы, евангелические проповеди, фильмы, газеты, президентские выборы, художественные галереи, музеи, модные методы лечения, пьесы, стихи, романы и научные семинары.

Мы стоим, каждый в своей камере, держась за решетки, а решетки — это и есть популярные песни.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

STAY

If this world is wearing thin
And you're thinking
Of escape
I'll go anywhere
With you
I'll do anything
it takes
But if you try
To go alone
Don't think
I'll understand

Stay with me, stay with me

In the silence of your room
In the darkness
of your schemes
You must only think of me
I'll visit
All your dreams
When pride is on the floor
I'll make you
Beg for more

You'd better hope and pray
That you'll be safe
In your own world
You'd better hope and pray
That you're gonna awake
Back in your
Own world

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ жителя Англии Бернарда Лейвери произрастают овощи-гиганты, сделавшие британского овощевода двенадцатикратным чемпионом мира. Кроме общеизвестных принципов герой капиталистического труда Великобритании владеет одним исключительным: каждому овощу свой подход и даже свое имя.

Выйдет он поутру к своим питомцам, любовно погладит по круглым бокам шестицентнеровую тыкву, погрозит пальцем бандюгам-редискам размером с хорошее яблоко, подбодрит меланхолическую толстуху-репу и почувствует себя совершенно счастливым в их окружении.

А осенью, собрав урожай любимцев, овощевод от одиночества впадает в глубокую печаль, в коей и пребывает до следующей весны, до посевной.

СПИТЕ СПОКОЙНО, лежебоки, противники гимнастики, аэробики и прочих спортивных трудов: о вашем здоровье, бодрости и подтянутости позаботился самый знаменитый спортивный врач Америки профессор Лоуренс Морхауз.

Он доказал, что и ленты, уделяя собственной обожаемой персоне всего каких-то 5 минут в день, могут пребывать в хорошей форме.

Вот несколько профессорских рекомендаций:

1. Проснувшись, потянитесь, вытяните вверх руки, поверните сначала корпус, затем голову влево и вправо, сделайте наклон.

2. Не менее двух часов в день находитеесь в вертикальном (стоячем) положении.

3. Поднимите вверх на 5 секунд непривычный для вас груз (можете поносить тяжелые сумки).

4. По меньшей мере три минуты в день ходите в быстром темпе.

5. Расходуйте ежедневно 300 калорий, выполняя какую-нибудь физическую работу или упражнения (для сравнения: за 5 минут плавания «сгорают» 330 калорий).

КТО САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АКТЕР ИЛИ АКТРИСА ВСЕХ ВРЕМЕН? Если судить по письмам, получаемым их фэн-клубами от поклонников, то — малоизвестная у нас актриса Ширли Темпл. В 1936 году ее фэн-клуб в месяц получал по 60 тысяч писем, и рекорд этот не побит по сей день. Сама же Ширли Темпл давно оставила экранную карьеру, и сейчас является... послом США в Чехо-Словакии.

Фэн-клубы — признанная форма общения с поклонниками, и по вашей просьбе сообщаем вам адреса некоторых из них в Великобритании и США. Только помните: надо вложить в письмо конверт с обратным адресом на английском языке и наклеить на него требуемое для международного письма количество марок.

JACKIE CHAN: c/o Tempo House, 15-17 Falcon Road, London SW11 2PJ. MICHAEL JACKSON: c/o P.O. Box 227, London SW15 3PG. MADONNA: c/o P.O. Box 203, Watford, Herts. WD1 3YA. MARILYN MONROE: (All About Marilyn) P.O. Box 291176, Hollywood, California 90029, USA.

А фэн-клубы Чака Норриса в Оклахоме и Калифорнии, увы, закрылись — по причине отсутствия поклонников. Может, кто-нибудь возьмется организовать его фэн-клуб здесь? Норрису было бы приятно...

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

Вы спрашивали

ГРУППА «МИРАНДА СЕКС ГАРДЕН» — три студентки Перселловской музыкальной школы, Великобритания, — совершили невиданный ранее прорыв в хит-парады: первая же записанная ими вещь «Не улетай так быстро» сразу же вошла в Топ 40. То, что они вошли в этот престижный список буквально с первого шага — не такая уж редкость. Интересно то, чем им удалось покорить сердца избалованных поклонников поп-музыки по

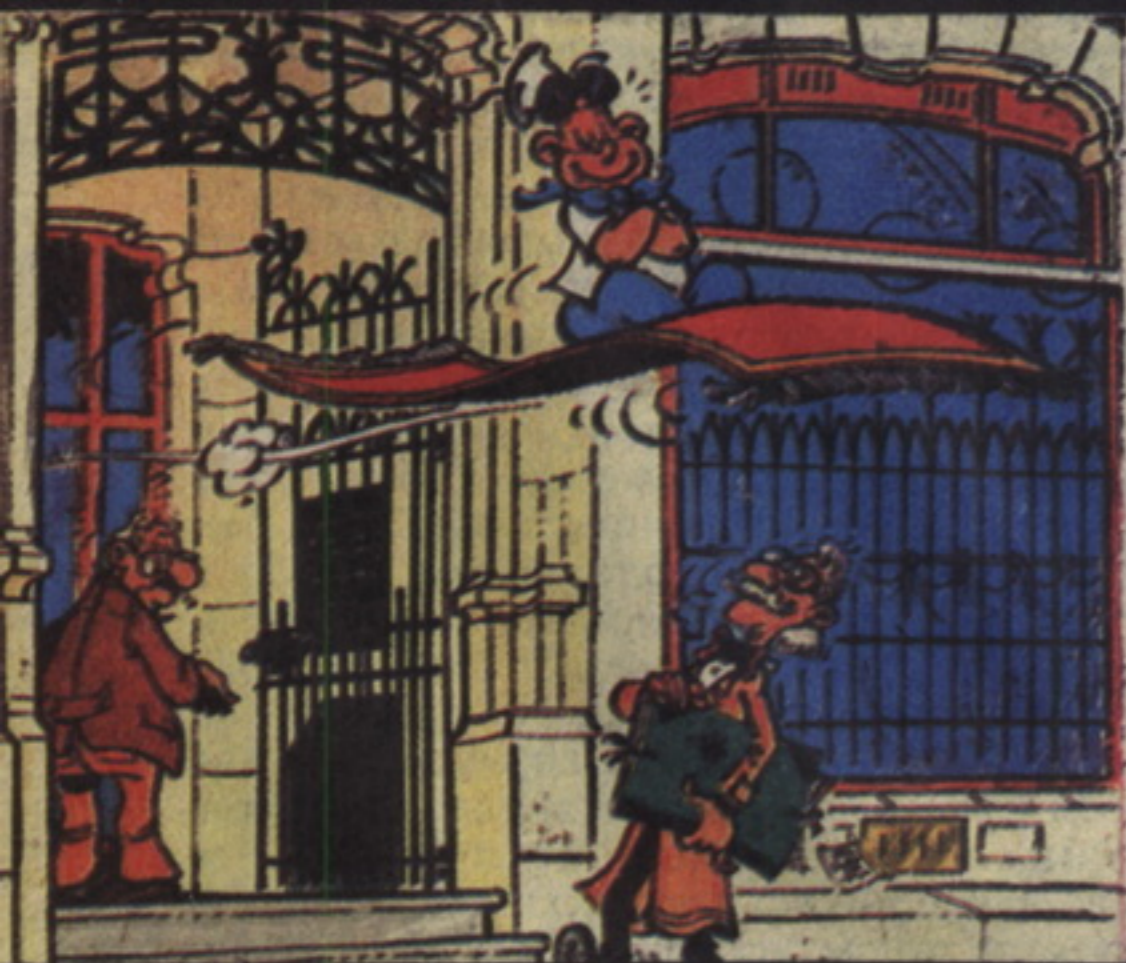

обе стороны Атлантики: «Не улетай так быстро» — современная обработка мадригала, написанного английским композитором Джоном Уорбом в... 1612 году.

ДОРОГО ЖИТЬ НЫНЧЕ СТАЛО, и не только у нас: многие даже вполне прилично зарабатывающие американки тоже не очень-то могут позволить себе кремы от «Эсти Лаудер» или черную икру — могучий поставщик необходимых для здоровой кожи ингредиентов. Вот несколько практических советов: нет крема для лица — пользуйтесь масляными растворами витаминов А и Е. Пара капель в день витамина Е на кусочек черного хлеба — и уже через месяц вы заметите, насколько пышнее и здоровее стали волосы. А о еде и говорить не приходится... Все мы сейчас страдаем от отсутствия необходимых витаминов — даже в конце лета цены на фрукты и овощи такие, что от одного взгляда на них можно заболеть. И чтобы не болеть, принимайте витамины, те самые, которые продаются в аптеках. Но только, смотрите, не переборщите — точно следуйте указаниям врача, потому что иначе витамины из друга могут превратиться во врага. Вот так, как на этой картинке — не надо!

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА. Мики Рорк переживает, как считают критики, не лучший период своего творчества. И предпринимает определенные шаги, чтобы привлечь к себе внимание. «Лучше пусть говорят обо мне плохо, чем совсем не говорят», кажется, эта старинная поговорка стала его девизом: мало того, что он выступил в защиту мафиози Джона Готти, заявив, что «мой друг Джон — истинный джентльмен», так ему еще пришлось в голову возродить в самом сердце Манхаттана традицию дуэли. «Предметом» боя «на кулачках», то есть, попросту говоря, встречи по боксу, является прекрасная Кэрри Отис, партнерша Рорка по «Дикой орхидее» и в течение четырех лет официальная его невеста. Помолвка была расторгнута по инициативе дамы, из-за чего на каком-то светском рауте Рорк наговорил ей массу грубостей. Присутствовавший при том итальянский князь Гоффредо Гаэтани попытался защитить красавицу. «Покажи, на что ты способен», — заорал ему в ответ Рорк и вызвал на боксерский поединок. Оба героя сейчас готовятся к матчу.

ЕВРОПЕЙСКИЙ «СПЕЦХРАН». Старушка-Европа получила подарок, приумноживший ее накопленное за многие века культурное достояние: в Брюсселе открылся музей комиксов. Здесь, в стране фламандцев и валлонцев, на каждый квадратный километр приходится больше художников, рисующих комиксы, чем в любой другой европейской стране.

Разместился музей в некогда помпезном магазине тканей. Когда пришедшее в упадок старинное здание должны были снести, на его защиту встали грудью бельгийские архитекторы, художники и артисты. На собранные ими средства здание было отреставрировано и стало украшением города. В нем разместился музей, читальный зал и огромная библиотека. А поскольку комиксы в Бельгии давно перестали быть детской забавой, в библиотеке за дверью под хорошим замком хранятся и сверхлегкомысленные издания. Детям до 16 лет вход туда категорически запрещен.

В рассказе «Смятение чувств» Стефан Цвейг, первый в литературе, изображает мучения однополой любви, и магия его таланта ставит читателя пред лицом еще одной тяжелой человеческой драмы. Об этой любви принято говорить с усмешкой презрения и отвращения к рабам ее, хотя она существует издревле, широко распространена среди восточных наций, оправдывалась Платоном. Современная наука доказывает, что эта любовь, охватывающая людей всех классов и наций, не «наприз пресыщенных» и извращенных, а злая игра природы...

М. ГОРЬКИЙ

У них были самые лучшие побуждения — у моих учеников и коллег по факультету: вот он лежит, в роскошном переплете, торжественно мне преподнесенный, первый экземпляр юбилейного сборника, который филологи посвятили мне в шестидесятую годовщину моего рождения и тридцатую моей академической деятельности. Получилась настоящая биография; ни одна самая мелкая статья, ни одна произнесенная мною речь, ни одна рецензия в каком-нибудь научном ежегоднике не ускользнули от их библиографического прилежания: все они выкопали из бумажной могилы: весь ход моего развития до последнего часа восстановлен, ступень за ступенью, и сверкает, подобно хорошо выметенной лестнице. Право же, было бы неблагодарностью с моей стороны не порадоваться этой трогательной фундаментальности. Все, что казалось мне давно изжитым и утраченным, снова встает передо мной в строгой последовательности. Нет, я не могу отрицать, что я, уже старик, смотрю на этот диплом, поднесенный мне моими учеными слушателями, с той же гордостью, с какой получал некогда из рук учителей первое свидетельство о своем прилежании, способностях, любви к науке.

И все же, когда я перелистал эти двести прилежно напи-

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Из записок старого человека

Стефан Цвейг

санных страниц и внимательно вгляделся в отражение моего облика, — я невольно улыбнулся. Неужели это была моя жизнь, неужели в самом деле с первого часа до нынешнего она тянулась покойными нитями какого-то целесообразного серпантина, как представил ее биограф на основании бумажного материала? Я испытал такое же чувство, как недавно, когда впервые услышал свой голос в граммофоне: сначала я его совершенно не узнал. Да, это был мой голос, но такой, каким его знают другие, а не я сам, слыша его в своей крови, в самой глубине своего существа. Так, посвятив всю свою жизнь изображению людей и попыткам установить содержание их духовного мира на основании их творчества, я убедился на собственных переживаниях, каким непроницаемым в жизни каждого человека остается его настоящее ядро — творческая клетка, из которой все произрастает. Мы переживаем мириады секунд, но только одна из них, одна-единственная, приводит в движение весь наш внутренний мир — та секунда (Стендаль ее описал), когда уже насыщенный всеми соками цветок в мгновение ока кристаллизуется, магическая секунда, подобная мгновению зачатия и, подобно ему, скрытая в теплоте нашего тела, — невидимая, неосязаемая, неосязаемая, — совершенно своеобразно пережитая тайна. Ее не учтет никакая алгебра духа, не предскажет никакая алхимия предчувствия, и редко она открывается нашему чувству.

Об этом тайном источнике развития моей духовной жизни эта книга не говорит ни слова: вот почему я не мог не улыбнуться. Все в ней верно, но самого существенного нет. Она меня описывает, но она меня не выражает. Она только говорит обо мне, но она не выдает меня. Двести имен заключает в себе тщательно составленный указатель — не хватает только одного — имени человека, от которого исходит творческий импульс, человека, который определил мою судьбу и теперь с новой силой возвращает меня в годы юности. Здесь сказано обо всех, умолчали только о том, кто дал мне язык, о том, чьим дыханием жива моя речь. И вот я ощущаю это умолчание как

свою вину. Целую жизнь я посвятил изображению людей, вызывал образы из тьмы веков, воскрешая их для чувства моих современников, — и ни разу не вспомнил о живущем во мне. И теперь, будто в дни Гомера, я напою дорогую тень моей кровью, чтобы она снова заговорила со мной, чтобы она, стареющая, посетила меня, состарившегося. К лежащим передо мною листам я присоединю еще одну, скрытую страницу — исповедь чувства к ученой книге: я расскажу себе самому правду о моей юности.

Прежде чем начать, я еще раз перелистываю эту книгу, которая должна представить мою жизнь. И снова улыбка на моих устах. Как им добаться до истинной моей сущности, когда с самого начала они избрали неверный путь! Уже первый их шаг неверен! Вот один из моих благосклонных товарищей по школе, ныне, как и я, тайный советник, сочиняет, будто уже в гимназии я питал неудержимую склонность к гуманитарным наукам, отличавшую меня от других новичков. Плохо помните, господин тайный советник! Гуманитарные науки были для меня тяжелым ярмом, которое я едва выносил со скрежетом зубным. Видя у себя дома, в семье школьного ректора, в маленьком северогерманском городишке, как наука служила средством борьбы за существование, я с детства возненавидел всякую филологию: природа, верная своей неразгаданной задаче охранять творческую силу, всегда внушает ребенку ненависть к склонностям отца. Она противится спокойному, пассивному наследованию, простому продолжению из рода в род: сперва она требует борьбы между одинаково созданными существами и только после тяжелых и плодотворных блужданий допускает запоздалое возвращение на стезю предков. Мой отец считал науку святыней, — и этого было достаточно для того, чтобы в своем самоутверждении я почувствовал ее, как пустую игру с понятиями. Я возненавидел классиков только за то, что он считал их образцом. Окруженный книгами, я их презирал; направляемый отцом исключительно на умствен-

ные занятия, я был преисполнен отвращения ко всякому книжному образованию: неудивительно, что я с трудом достиг аттестата зрелости и решительно отказывался от продолжения научных занятий. Я хотел стать офицером, моряком или инженером: ни к одной из этих профессий я, в сущности, не чувствовал призвания. Только ненависть к бумажной науке побуждала меня стремиться к практической деятельности и отвергнуть академическую учебу. Но отец, со всей энергией фанатического преклонения перед университетом, настаивал на академическом образовании. Единственное, чего мне удалось добиться, было разрешение вместо классической филологии избрать английскую (я согласился на этот компромисс с тайной мыслью, что знание этого языка впоследствии облегчит мне морскую карьеру, к которой я так неудержимо стремился).

Итак, в этом *singulum vitae* нет ничего более неверного, чем любезное утверждение, будто уже в течение первого семестра, проведенного в Берлине, я, под руководством лучших профессоров, приобрел солидную подготовку для изучения филологических наук. Что общего имела моя буйно разразившаяся страсть к свободе с университетскими семинариями! При первом же беглом посещении аудитории затхлый воздух и проповеднически-монотонная, поучительно-широковещательная речь вызвали во мне такую усталость, что мне пришлось сделать усилие, чтобы не опустить сонную голову на скамейку: ведь это была опять та же школа, из которой я был так счастлив вырваться, тот же класс с возвышенной кафедрой и с пустым крохоборством. Мне невольно почудилось, что из тонких губ тайного советника сыплется песок — так мелко, так равномерно текли в душный воздух слова из потертой тетрадки. Чувство, которое я испытывал еще учеником, — будто я попал в покойницкую духа, где равнодушные руки анатомов прикасаются к умершим, — с пугающей отчетливостью ожидало в этом рабочем кабинете антикварного александрийства. И с какой силой сказались это инстинктивное отвращение, когда, после с трудом прослушанной лекции, я вышел на улицу Берлина — Берлина того времени! Пораженный собственным ростом, он играл своей так внезапно расцветшей возмужалостью, изо всех улиц и закоулков сверкая электрическим блеском. Это была горячая, жадная, нетерпеливая жизнь, которая своей неукротимой алчностью, своим бешеным темпом отвечала дурману моей собственной, только что пробудившейся возмужалости. Мы оба, город и я, внезапно вырвавшись из протестантского, ограниченного, любящего порядок мещанства, поспешно отдавались еще не испытанному опьянению силы и возможностей. Мы оба, город и я — легко воспламеняющийся юноша, — мы оба дрожали подобно динамо-машине, полные беспокойства и нетерпения. Никогда я не понимал, никогда не любил Берлина так, как тогда, ибо точно так же, как в этом переполненном, напоенном всеми соками, теплом человеческом пчельнике, так и во мне каждая клеточка стремилась к быстрому расширению. Это нетерпение, присущее здоровой молодости, — где же было ему разрядиться, как не в горячем, судорожном лоне этого гиганта-женщины, в этом нетерпеливом, пылком, сильном городе! Властным порывом он привлек меня, я весь погрузился в него, ощупывая его вены; мое любопытство поспешно обнимало его каменное и все же теплое тело. С утра до ночи я сновал по улицам, ездил к озерам, проникал во все его тайники; словно одержимый бесом, вместо того, чтобы отдаться занятиям, я с головой окунулся в жизнь приключений. Но в этой крайности я оставался верен себе: с раннего детства я был неспособен к совмещению интересов: собирая что-нибудь или начав какую-нибудь игру, я сейчас же становился равнодушен ко всему остальному: всегда и везде я повинуюсь какому-нибудь одному страстному побуждению, и еще теперь, в своих занятиях, я фанатически врываюсь в какую-нибудь проблему и не отступаю, пока не раскушу ее до конца.

В ту пору, в Берлине, чувство свободы охватило меня, как могучее опьянение. Я с трудом выносив краткое заключение во время лекции; пребывание в четырех стенах моей комнаты было для меня нестерпимо; минуты, не приносящие какого-нибудь приключения, не проведенные в обществе, в движении, суматохе, игре, казались мне потерянными. И вот, только что выпущенный на свободу юный провинциал изо всех сил старается казаться настоящим мужчиной: он вступает в корпо-

рацию, пытается придать своему, в сущности, робкому нраву что-то смелое, неопрятное, распутное; прожив в Берлине какую-нибудь неделю, разыгрывает столичного жителя и бывалого человека, с невероятной быстротой приучается к сидению по углам кафе, как истый *miles gloriosus*¹. В числе атрибутов возмужалости неизбежны были, конечно, и женщины — вернее, бабы, как мы выражались в своем студенческом высокомерии, — и тут оказала мне услугу моя красивая внешность: высокий, стройный, с еще сохранившимся морским загаром и свежестью, гибкий в движениях, я имел большие преимущества перед дряблыми, высохшими, как сельди, приказчиками, которые, как и мы, отправлялись каждое воскресенье за добычей на танцевальные вечера в Галлензе и Гундекеле² (тогда еще находившиеся далеко за городом).

Горничная с соломенно-светлыми волосами, изобличавшими уроженку Мекленбурга, с белоснежной кожей и широкими, упругими бедрами, которую я притаскивал в свой угол, разгоряченную от танцев, сменялась маленькой, вертлявой, нервной познанской еврейкой, продававшей у Тица³ чулки. Все это была в большинстве случаев легкая добыча, быстро передававшаяся товарищам. Но эта неожиданная легкость завоевания опьяняла вчера еще робкого новичка — успехи делали меня смелее, смелость обеспечивала новые победы. Я расширял поле действий: после племянницы моей квартирной хозяйки наступила очередь — первый триумф всякого молодого человека! — настоящей замужней женщины, которую соблазнила свежесть сильного, юного блондина. Постепенно улица и всякое публичное сборище становились для меня местом самой неразборчивой, почти превратившейся в спорт, охоты за приключениями. Однажды, преследуя на Унтер-ден-Линден⁴ хорошенькую девушку, я — совершенно случайно — очутился у дверей университета. Я невольно улыбнулся при мысли, что вот уже три месяца как я не переступал через этот порог. Из шалости, я, с одобрения столь же легкомысленного товарища, слегка приоткрыл дверь. Мы увидели (невероятно смешным показалось нам это зрелище) сто пятьдесят спин, согнутых над пюпитрами, точно в общей молитве, с поющим псалмы седым старцем. Быстро я захлопнул дверь, предоставив этот мутный ручей красноречия собственному течению на радость прилежным коллегам, и задорно продолжал с товарищем свой путь по солнечной аллее.

Порою мне кажется, что никогда ни один молодой человек не проводил время бессмысленнее, чем я в те месяцы. Я не брал в руки книг; уверен, что не произнес ни одного разумного слова, не имел ни одной настоящей мысли в голове; инстинктивно я избегал всякого культурного общества, чтобы как можно сильнее ощутить своим пробудившимся телом едкость запретного до тех пор плода. Быть может, это упоение своими собственными соками, это бесцельное саморазрушение неизбежно присущи всякой сильной вырвавшейся на свободу молодости, — но моя исключительная одержимость и мое распутство грозили стать опасными, и возможно, что я бы опустился окончательно или погиб в затхлости этих ощущений, если бы случай не уберег меня от нравственного падения.

Этот случай — теперь я благодарю судьбу за него — заключался в том, что мой отец был неожиданно командирован на один день в Берлин, в министерство, на съезд ректоров. Как истый педагог, он, не предупредив меня о своем приезде, использовал этот случай, чтобы проверить мое поведение, застав меня врасплох. Опыт удался как нельзя лучше. В этот день, как обычно по вечерам, меня посетила в моей дешевой студенческой комнатке в северной части города — вход был отделен портьерой от кухни хозяйки — девица, с которой мы проводили время очень интимно. Вдруг раздался внушительный стук в дверь. Предположив посещение товарища, я недовольным тоном пробормотал: «Не принимаю». Но стук сейчас же

¹ По-латыни: славный воин; иронически вообще — военный. — Здесь и далее прим. пер.

² Галлензе и Гундекеле — ближайшие пригороды Берлина.

³ Тиц — универсальный магазин в Берлине.

⁴ Унтер-ден-Линден — главная улица Берлина.

повторился; затем, с видимым нетерпением, постучали в третий раз. Взбешенный, я натянул брюки, чтобы прогнать назойливого посетителя. В рубашке нараспашку, с подтяжками на весу, босой, я приоткрыл дверь — и, будто удар обуха по голове — во мраке передней я узнал силуэт отца. Его лица я не разглядел в темноте — только стекла очков блестели, отражая свет. Но достаточно было этого непрошеного силуэта, чтобы дерзкое слово, готовое вылететь из моих уст, застряло у меня в горле, будто острая кость. Я был совершенно ошеломлен и должен был — ужасный миг! — скромно попросить его подождать в кухне несколько минут, пока я приведу в порядок свою комнату. Как я уже сказал, мне не видно было его лица, но я чувствовал: он понял. Я это чувствовал в его молчании, в его сдержанности, когда он, не подавая мне руки, с жестом отращения отодвинул портьеру и вошел в кухню. И там, перед железным очагом, хранившим испарения подогретого кофе и вареной репы, старик ждал, — ждал, стоя, десять минут, унижительных и для него, и для меня, — пока моя девица одевалась и затем, проходя мимо портьеры, выбиралась из квартиры. Он должен был слышать ее шаги, должен был видеть, как шевелились от движения воздуха складки портьеры, когда она пробиралась, — а я все еще не мог выпустить его из недостойной засады: прежде надо было устранить слишком откровенный беспорядок постели. Тогда только — никогда в жизни я не чувствовал себя более пристыженным — я мог предстать перед ним.

Мой отец был сдержан в этот тяжелый час — до сих пор я благодарен ему за это. Когда я хочу восстановить в своей памяти образ этого давно умершего человека, я запрещаю себе смотреть на него с точки зрения ученика, который привык видеть в нем вечно поучающего, все порицающего, помешанного на пунктуальности педанта: я стараюсь представить его себе таким, каким он был в эту минуту, в самую человеческую его минуту, когда старик, преисполненный сдерживаемого отвращения, безмолвно вошел вслед за мной в душную комнату. Он держал в руках шляпу и перчатки; он хотел положить их, но сейчас же невольным жестом выразил отвращение: ему было противно чем-нибудь прикоснуться к этой грязи. Я предложил ему кресло; он не ответил и только отстраняющим движением отказался от всякого соприкосновения с предметами, находившимися в этой комнате.

После нескольких леденящих душу минут, в течение которых мы стояли, не глядя друг на друга, он снял, наконец, очки, обстоятельно протер их, что, как я знал, было у него признаком замешательства, и я заметил, как старик, надевая их, украдкой провел рукой по глазам. Нам было стыдно друг перед другом, и мы не находили слов, чтобы прервать молчание. В душе я опасался, что он начнет читать нотацию, обратится ко мне с красноречивым поучением, гортанным голосом, который я ненавидел и над которым издевался со школьной скамьи. Но — до сих пор я вспоминаю об этом с благодарностью — старик не проронил ни слова и избегал смотреть на меня. Наконец он подошел к шатающейся этажерке, где стояли мои учебники, открыл их и с первого взгляда должен был убедиться, что они не тронуты и почти не разрезаны.

— Покажи записи лекций! — Это приказание было первым его словом. Дрожащей рукой я протянул их ему: я ведь знал, что стенографическая запись заключала в себе одну-единственную лекцию. Он быстро просмотрел эти две страницы и, без малейшего признака волнения, положил тетрадь на стол. Затем он подвинул стул, сел, посмотрел на меня серьезно, но без всякого упрека, и спросил:

— Ну, что ты думаешь обо всем этом? Как ты представляешь себе это в дальнейшем?

Этот спокойный вопрос сразил меня окончательно. Я весь был в состоянии судорожного напряжения: если бы он стал меня бранить, я бы гордо оборонялся; если бы он попытался растрогать меня, я бы его высмеял. Но этот деловой вопрос сломил мое упрямство: его серьезность требовала серьезного ответа, его выдержанное спокойствие — уважения. Я не решаюсь даже вспоминать, что я отвечал; весь последующий разговор еще и теперь не поддается моему перу: бывают внезапные потрясения, внутренние взрывы, которые в пересказе звучали бы сентиментально, слова, которые можно искренне произнести только раз в жизни, с глазу на глаз, в минуту неожиданного смятения чувств.

данного смятения чувств. Это был единственный мой разговор с отцом, когда я без малейшего колебания покорился ему добровольно: я предоставил ему всецело решение моей судьбы. Он же только посоветовал мне покинуть Берлин и следующий семестр поработать в каком-нибудь провинциальном университете. Он не сомневался, что я с увлечением нагоню пропущенное.

Его доверие тронуло меня; в этот миг я почувствовал, как несправедлив я был в течение всего своего отрочества к этому старику, моему отцу, окружившему себя стеной холодной формальности. Я закусил губы, удерживая горячие слезы, подступавшие к глазам. И он, по-видимому, был охвачен тем же чувством: он вдруг протянул мне дрожащую руку и поспешно вышел. Я не осмелился пойти за ним и остался — смущенный, неспокойный, — вытирая платком кровь, выступившую на губе, в которую я впился зубами, чтобы подавить свое волнение.

Это было первое потрясение, постигшее меня — девятнадцатилетнего юношу; без вихря сильных слов оно опрокинуло шаткий карточный домик, со всей надуманной мужественностью, самообожанием, игрой в студенчество, который я выстроил в течение этих трех месяцев. Благодаря пробудившейся воле я почувствовал в себе достаточно сил, чтобы отказаться от мелких развлечений. Мной овладело нетерпение направить растратенную энергию на занятия науками: жажда серьезности, трезвости, внутренней дисциплины и взыскательности охватила меня. В этот час я дал обет монашеского служения науке, еще не предчувствуя, какое упоение готовит мне научная работа, и не подозревая, что и в возвышенном царстве духа буйный ум встретит и приключения, и опасности.

Маленький провинциальный город, выбранный мною по совету отца на следующий семестр, находился в средней Германии. Его громкая академическая слава стояла в резком противоречии с тощей кучкой домов, теснившихся вокруг университета. Мне не стоило большого труда путем расспросов добраться от вокзала, где я оставил свои вещи, до *alma mater*, и, попав в это старомодное, широко раскинувшееся здание, я сразу почувствовал, что внутренний круг замыкается здесь быстрее, чем в берлинской голубятне. В течение двух часов я успел быть зачисленным и посетить большинство профессоров; только моего непосредственного руководителя — профессора английской филологии — мне не удалось застать сразу: мне сказали, что после обеда, около четырех часов, его, наверное, можно будет видеть в семинарии.

Движимый стремлением не терять ни одного часа — ибо теперь я рвался к науке с той же страстностью, с какой избегал ее прежде, — я, после беглого осмотра маленького города, который, в сравнении с Берлином, казался погруженным в наркотический сон, ровно в четыре часа был на месте. Служитель указал мне дверь семинарии. Я постучал. Мне послышалось, что изнутри чей-то голос ответил мне, и я вошел.

Но я ошибся. Никто не отвечал на мой стук, а донесшийся до меня невнятный возглас вырвался из энергичной речи профессора, который, очевидно импровизируя, излагал что-то двум десяткам окруживших его тесным кольцом студентов. Смущенный своим непрошеным вторжением, я хотел тихо удалиться, воспользовавшись тем, что мое появление никем из присутствующих не было замечено, но побоялся обратить на себя внимание. Я остановился у двери и стал невольно прислушиваться.

Лекция, по-видимому, возникла из коллоквиума или дискуссии — об этом позволяли догадываться непринужденные позы и совершенно случайная группировка слушателей вокруг профессора: сам он не стоял на кафедре, а свесив ноги, сидел почти по-мальчишески на одном из столов; небрежные позы окружавших его студентов, под влиянием напряженного интереса, постепенно застывали в пластической неподвижности. По-видимому, они стояли, разговаривая, когда профессор вдруг вскочил на стол, заговорил, привлек их к себе — будто бросив лассо — и неподвижно приковал их к месту. Достаточно было нескольких минут, чтобы и я, забыв о своем непрошеном появлении, магнетически почувствовал чарующую силу его речи. Невольно я приблизился, чтобы видеть движения его рук, удивительным образом напрягавшие и обволакивавшие его речь: при властно вырвавшемся слове они расправлялись, будто крылья, и взлетали вверх, а затем опускались плавно и

музыкально в успокаивающем жесте дирижера. И все жарче бушевала речь, а окрыленный всадник, словно отделяясь от крупы несущейся галопом лошади, ритмично подымался с твердого стола и увлекал за собой в этот бурный, наполненный сверкающими картинами полет мысли. Никогда мне не приходилось слышать такую вдохновенную, такую поистине захватывающую речь; в первый раз я пережил то, что римляне называли *garpus* — вознесение человека над самим собой: не для него, не для других произносили слова эти неумолимые губы: внутренний огонь, пылавший в этом человеке, выбрасывал пламенные языки.

Никогда мне не приходилось переживать слово, как экстаз, страстность речи, как стихийное явление. Будто внешний толчок бросил меня во власть неизведанного чувства. Испытывая магнетическое действие какой-то силы, которая была больше, чем любопытство, я подвигался вперед, сам того не замечая, почти неощутимыми шагами лунатика. Так, незаметно, я был вовлечен в магический круг: сам того не сознавая, я оказался на расстоянии одного шага от говорившего, среди других слушателей, так же, как и я, зачарованных и потому не замечавших ни меня, ни вообще окружающего. Я был захвачен течением речи, не зная ее истоков: по-видимому, кто-то из студентов высказал суждение о Шекспире как о метеорическом явлении, а говоривший сверху хотел доказать, что он был только самым ярким представителем целого поколения, духовным выражением бушевавшей страстями эпохи. Одним штрихом он нарисовал тот необыкновенный час Англии, тот единственный миг экстаза, который внезапно наступает в жизни каждого народа, как и в жизни каждого человека, напрягая все силы к мощному порыву в вечность. Земля вдруг расширилась, появился новый континент, а между тем древнейшая опора старого мира — папство — под угрозой падения; за морями, которые принадлежат им, с тех пор как испанская Армада погибла в волнах во время бури, открываются новые возможности; мир ширится, и невольно тянется за ним душа: и она хочет быть обширной, хочет познать всю глубину добра и зла, хочет открывать, завоевывать подобно конквистадорам; ей нужен новый язык — новая сила. И со сказочной быстротой нарождаются новые люди, владеющие этим языком, — поэты — полсотни, сотня в течение одного десятилетия — буйные, необузданные гуляки: они не возделывают сады Аркадии, подобно придворным поэтикам предшествующей эпохи, не пересказывают в стихах прилизанную мифологию — они атакуют театр, завоевывают арену, которая до тех пор служила только для травли зверей и кровавых игр, — горячий пар крови еще дымится в их произведениях: их трагедии пока еще такой же *circus maximus*¹, в котором ненасытные чувства стравливаются, как дикие звери. Без удержу свирепствуют их львиные страсти; они стараются превзойти друг друга в жестокости и неумеренности; все дозволено перу — кровосмешение, убийство, всякое преступление и всякое злодеяние; неимоверно беспорядочное сплетение всего человеческого справляет буйную оргию; подобно голодным зверям, выпущенным из клетки, выбрасываются на огражденную деревянным барьером арену грозные, опьяняющие страсти. Взрыв петарды, продолжавшийся пятьдесят лет, кровоизлияние, стихийное извержение, опрокидывавшее и разрывавшее целый мир; едва слышны отдельные голоса, едва различимы отдельные фигуры в этой оргии силы. Одна страсть возбуждает другую, каждый дает, каждый крадет, каждый состязается с другими, чтобы превзойти их, быть первым, и все они — только духовные гладиаторы на общем празднике, раскрепощенные рабы, гонимые вперед духом времени. Он собирает их из кривых, темных улиц предместья и из дворцов: Бен Джонсон — внук каменщика, Марло — сын сапожника, Мессинджер — потомок камердинера, Филипп Сидней — богатый ученый, государственный деятель — все они захвачены кипучим водоворотом. Сегодня их перевозносятся, завтра они умирают в глубокой нищете, как Кил и Гейвуд, погибают с голоду, как Спенсер, на Кинг Стрите; все они — негодяи, буяны, развратники, комедианты, мошенники, но поэты, поэты, поэты. Шекспир составляет только их центр: *the very age and body of the time*²; но его почти не замечаешь — так бушует этот ураган, в таком изобилии громоздятся сочинения, в таком смятении буйствуют страсти. И вдруг это изумительное извержение прекращается — так же судорожно, как началось; драма кончилась:

Англия истощена, и на сотни лет туманная пелена Темзы заволакивает умы. Одним набегом целое поколение завладело всеми вершинами и глубинами страсти; переполненная, необузданная душа вылилась из груди — и страна покоится, усталая, изможденная: пуританская ограниченность закрывает театры, умолкает язык страстей, снова заговорила Библия — заговорило божественное там, где повествовалось самое человеческое, где раздавалась самая горячая исповедь всех времен, где одним кипучим поколением изжита жизнь многих тысяч людей...

Тут он неожиданно направил огненные вспышки своей речи на нас:

— Теперь вы понимаете, почему я читаю свой курс не в исторической последовательности, почему я начинаю не с короля Артура³ и Чосера⁴, а, вопреки всем правилам, с елизаветинцев⁵? Вы понимаете, почему я требую, прежде всего, ознакомления с этой эпохой, вживания в ее исключительно богатую жизнь? Ибо нет филологии без переживания, нет чисто грамматического слова без понимания его значения. И вы, молодые люди, должны увидеть язык и страну, которую вы хотите изучать, прежде всего в состоянии высшего расцвета красоты, силы и молодости, высшего напряжения страстей. Прежде всего, вы должны услышать язык из уст поэтов — тех, кто его создает и совершенствует; вы должны почувствовать и пережить поэзию раньше, чем мы начнем ее анатомизировать. Поэтому я всегда начинаю с вершин, ибо Англия, это — Елизавета, это — Шекспир и шекспирианцы. Все предшествующее — только подготовка, все последующее — жалкие попытки повторить этот смелый прорыв в бесконечность. Но здесь — почувствуйте это, молодые люди, — здесь самый яркий расцвет юности нашего мира, и всякое явление, всякий человек познается только в горении, только в страсти. Ибо дух рождается из крови, мысль из страсти и страсть из вдохновения. Поэтому Шекспир и его современники — вот кто, по преимуществу, молодые люди, дает вам истинную молодость. Прежде всего — воодушевление, потом уже — прилежание, прежде всего он, самый недостижимый, самый совершенный — Шекспир: пусть это великолепнейшее отражение мира предшествует изучению слова. Ну, довольно на сегодня. До свидания, — властным заключительным жестом он внезапно оборвал свою речь и спрыгнул со стола.

Дрогнув, рассыпалось тесное кольцо студентов, стулья закрипели, застучали, задвигались столы, два десятка ртов разомкнулись, глубоко дыша, заговорили, закашляли — теперь только стало очевидно, как магнетически действовало очарование, замкнувшее уста двадцати юношам. Зато теперь в тесной комнате царило оживленное движение; одни подошли к профессору, чтобы поговорить с ним, другие, раскрасневшись, обменивались впечатлениями; ни один слушатель не остался безучастным, все испытывали действие электрического тока — он внезапно прервался, но его искры будто еще сверкали, и треск их будто еще слышался в сгустившемся воздухе.

Я сам чувствовал себя прикованным к месту; я был совершенно подавлен. Страстный по натуре, я привык воспринимать явления жизни, всецело отдаваясь порыву чувства, и вот, в первый раз я испытал пленительное обаяние человека, учителя, превосходство, которому покориться казалось мне долгом и наслаждением. Кровь в венах кипела, я дышал учащенно, во всех членах своего разгоряченного тела я ощущал этот бешеный, кипучий ритм, нетерпеливо подталкивавший меня. Наконец я уступил ему и пробрался вперед, чтобы взглянуть в лицо этого человека, ибо — удивительно! — пока он го-

¹ *Circus maximus* — колоссальный цирк в Древнем Риме.

² Фигуральное выражение, которое можно передать по-русски: *плоть от плоти и кровь от крови своего времени.*

³ Средневековые повести о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

⁴ Чосер — английский поэт XIV века.

⁵ Елизаветинцы — писатели эпохи расцвета английской литературы в XVI веке, в царствование королевы Елизаветы (1558 — 1603); их имена приведены в тексте. Этот период завершился шекспировской драмой.

ворил, я не разглядел его очертаний — до такой степени они слились с его речью, растворились в ней.

И теперь я мог различить только неясный, затененный профиль: он стоял в полусвете окна, обратив лицо к студенту, с которым он разговаривал, дружески положив руку ему на плечо. Но даже это мимолетное движение выражало внутреннюю красоту и сердечность, которой я не мог предположить у педагога. Между тем несколько студентов обратили на меня внимание, и, для того чтобы не показаться непрошеным гостем, я приблизился к профессору, ожидая, пока он окончит разговор. Теперь только мне удалось посмотреть ему в лицо: голова римлянина, выпуклый мраморный лоб, сверкающий белизной под волной зачесанных назад вьющихся и густо покрывающих виски седых волос — импозантно-смелое и одухотворенное построение верхней части лица, переходящее в мягкие, почти женственные формы, благодаря глубоким теням под глазами, гладкой округлости подбородка и беспокойным, то улыбающимся, то нервно вздрагивающим губам. Мужественная красота лба смягчалась, благодаря гибкой пластичности бледных щек и подвижного рта, создавая общее впечатление добродушия. Его поза казалась принужденно сдержанной.

Левая рука небрежно покоилась на столе, но в косточках кисти чувствовалось непрерывное вибрирование; узкие пальцы, чересчур нежные, чересчур мягкие для мужской руки, нетерпеливо рисовали на пустом столе невидимые фигуры, в то время как глаза из-под тяжелых век приветливо устремлялись к собеседнику. Был ли он обеспокоен чем-нибудь или не улеглось еще возбуждение в напряженных нервах, во всяком случае тревожная неутомимость руки противоречила спокойному, прислушивающемуся и выжидающему выражению его лица; казалось, что утомленный он все же всецело погружен в разговор со студентом.

Наконец очередь дошла до меня, я подошел к нему, назвал свою фамилию, и сейчас же загорелась искра в его излучающем почти голубой свет зрачке. В течение двух-трех долгих секунд блеск его вопрошающих глаз пробежал по моему лицу от подбородка до волос. Вероятно, я покраснел от этого ласково-испытующего созерцания, и он поторопился полуулыбкой положить конец моему смущению.

— Вы хотите заниматься у меня? Нам придется поговорить подробнее. Только, простите меня, я не могу сделать этого сейчас. У меня есть еще кое-какие дела. Может быть, вы подождете меня внизу у ворот и проводите меня домой?

Он протянул мне руку — нежную, узкую руку, которая коснулась моих пальцев легче перчатки, — и сейчас же любезно обратился к следующему ожидавшему.

В течение десяти минут я поджидал его у ворот с сильно бьющимся сердцем. Что ему ответить, если он спросит про мои занятия, как сознаться, что поэзия никогда не заполняла ни моего рабочего времени, ни моего досуга? Не станет ли он презирать меня? Не изгонит ли из пламенного круга, который так магически охватил меня сегодня? Но вот он, ласково улыбаясь, приблизился быстрыми шагами — и одно его присутствие уже прогнало всякое смущение. Без всяких расспросов с его стороны я признался ему, что потерял первый семестр. Снова я ощутил его теплый, участливый взгляд.

— Пауза тоже необходима в музыке, — сказал он с ободряющей улыбкой, и затем — очевидно для того, чтобы не смущать меня моим невежеством — он перевел разговор на личные дела, спросил, откуда я родом и где я собираюсь здесь поселиться. Узнав, что я еще не нашел себе квартиры, он предложил мне свое содействие и посоветовал прежде всего справиться в его доме, где старая, полуглухая женщина сдает комнату, которой многие его ученики оставались довольны; обо всем остальном он позаботится сам: если я действительно хочу серьезно заниматься, он сочтет приятным долгом помочь мне во всех отношениях.

Подойдя к дому, он снова протянул мне руку и пригласил меня посетить его на другой день вечером, чтобы совместно выработать план занятий. И так велика была моя благодарность этому человеку за его незаслуженную доброту, что я, преисполненный благоговения, едва коснулся его руки, смущенно снял шляпу и забыл поблагодарить его хотя бы одним словом.

Перевод П. С. БЕРНШТЕЙН.

Продолжение следует

В оформлении использована графика Сальвадора ДАЛИ.

СМЕРТЬ НА СКАЛАХ

Адам БЕЙНС,
английский журналист

На рассвете 29 сентября Пьер Тардивэль так и не смог шагнуть в историю. В этот злополучный день ему не удалось натянуть лыжные ботинки. Накануне, после 12-часового восхождения, он заночевал на высоте 8000 метров на Эвересте, но утром выяснилось, что он обморозился, обе ноги были синюшного цвета: вторая степень обморожения. Оставалось всего 800 метров до вершины, и вот планы, которые он вынашивал шесть месяцев, рушились так болезненно и внезапно. Что ж, оставалось только ждать следующего, 1992 года, чтобы добиться своего: первым спуститься на лыжах с «Крыши мира», вершины Эвереста.

«Я был просто потрясен, когда увидел свои обмороженные ноги, — вспоминает Тардивэль. — Пришлось в одних носках как можно быстрее возвращаться вниз. До отметки 6500 метров все шло нормально, потом мной вновь овладело отчаяние. Во втором лагере я ждал целые сутки, пока снизу мне не прислали ботинки большего размера».

До попытки Тардивэля лыжники спускались с Эвереста лишь с отметки 7300 метров, но никто еще не оттолкнулся лыжными палками от самой вершины — 8848 метров над уровнем моря. Этот спуск мог стать пиком карьеры Пьера Тардивэля, подтверждением того, что в свои 28 лет он действи-

тельно — «король горнолыжных экстремистов».

Сходство с обычным горнолыжным спортом чисто символическое. «Лыжный экстремизм» — сначала восхождение, где не обойтись без ледоруба и шипов, а потом — спуск вниз по склонам, крутизна которых доходит до 65 градусов (что на 35 градусов круче самых опасных горнолыжных трасс). Километр спуска занимает иногда до получаса: тридцать минут нечеловеческого напряжения нервов и мускулов, когда приходится постоянно менять угол и направление движения, когда лишь доли секунды отделяют от катастрофы.

Список неприступных пиков неумолимо тает с каждым годом, подобно шагреновой коже. Так что кое-кто уже не ограничивается просто лыжами, а изобретает новые трюки: например, «горный серфинг», или «парашютный десант» на вершину, предваряющий спуск на лыжах, а то и прыжки с парашютом с горного пика. И все же спуск на лыжах с Эвереста остается для этих отчаянных парней чем-то вроде «суперкубка».

Когда команда Тардивэля начала продвижение к вершине Эвереста, резкий ветер, эта «продувная бестия», почти на месяц прижал ее к горе, не давая высунуть носа. С превеликим трудом они поднялись до отметки 8000 метров, но несколько раз вынуждены были отступать в 4-й лагерь, чтобы пополнить припасы. Каждая такая вылазка могла привести к гибели всей команды, случись в этот момент сход снежной лавины. 15 сентября лавина обрушилась — таки на группу. Погибли 18-летний француз и его проводник-непалец. Пять дней спустя другой альпинист чудом остался жив после того, как лавина протащила его 600 метров вниз по склону. А еще через девять дней, когда сильный снегопад остановил продвижение группы, обморозился Тардивэль, и стало ясно, что попытка восхождения и лыжного спуска с Эвереста сорвалась окончательно. Для «лыжных экстремистов» подобная неудача — едва ли не самое большое разочарование, вынужденное отступление воспринимается, пожалуй, еще болезненнее, чем чья-то гибель.

Сейчас Тардивэль снова в местечке Аннеси во Французских Альпах. Он лишился ногтей на ногах, и все еще с трудом передвигается по комнате. Тардивэль, конечно, расстроен случившимся, но не сломлен.

«Я хорошенько разглядел тот последний участок от 4-го лагеря. Мой план — не такое уж сумасшествие, как может показаться. Спуск с Эвереста реален, и я вернусь туда».

Тардивэль катается на горных лыжах с 13 лет. Через три сезона он уже «перерос» обычные трассы и свернул на горнолыжную «целину». К 28 годам в его «коллекции» было уже 36 титулов «лыжного первооткрывателя» (включая итальянский склон Монблана).

В 80 километрах от его дома в Аннеси находится местечко Шамони, европейская мекка любителей «спорта с приключениями». Гуляя по городку в летние дни, вы наверняка увидите в небе парапланы, окрестные же вершины прямо-таки кишат альпинистами.

Пока желающие щекочут себе нервы на горных склонах, спасательная команда в любую минуту готова «собирать кости». В этих краях только за три месяца — с июля по сентябрь — погибло 45 человек, 355 с серьезными увечьями попали в больницу, а шестеро вообще пропали без вести.

«Лыжные экстремисты» возвели риск в ранг искусства, действуют на грани невозможного, роковые случайности просто запрограммированы. Любая ошибка равносильна смертному приговору.

В прошлом году Пьер Тардивэль, безусловно, был «номером первым» в негласной табели о рангах «лыжного экстремизма». Ведь еще в феврале Жан-Марк Буавэн разбился насмерть, когда его парашют зацепился за скалу. Из 39 прожитых лет почти 20 Буавэн был одним из лидеров «лыжного экстремизма». «Жан-Марк катался на пределе возможного уже многие годы. Так что все мы всерьез поверили в его бессмертие», — говорит Тардивэль.

В июне другой лидер, Бруно Гуви, погиб при спуске с вершины горы на «сноуборде». Вот так на протяжении четырех месяцев смерть настигла двух корифеев «лыжного экстремизма». Статус «последнего героя» обязывает: Пьер прекрасно понимает, что без новых побед интерес к нему со временем угаснет.

Нынешний «король» «лыжных экстремистов» вовсе не по-

хож на атлета мирового класса. Тардивэль тонок в кости и не может похвастаться ни мощной мускулатурой, ни высоким ростом. Он вежлив, внимателен, мягок в общении. Впечатление спокойного и рассудительного человека, которое он производит, не обманчиво. Хотя Пьер стал звездой еще в 1988 году, после головокружительного спуска с Монблана, он не спешил расстаться со своей работой в банке. Лишь в феврале 1990 года решил стать «профи», но даже тогда, при заключении контракта с рекламными фирмами пытался остаться, так сказать, на полставки в банке. Этот «вакуумный лыжник», как его окрестили, на редкость предусмотрителен.

«Я отнюдь не рискую сверх меры, — считает Тардивэль. — «Незапланированные» препятствия во время спуска встречаются крайне редко». В этом-то и заключается секрет Тардивэля. Взять, к примеру, его классический спуск в 1990 году с горы Мондолен (высота 3328 метров). Тот самый спуск, о котором французское телевидение сделало фильм.

Гора Мондолен представляет собой правильную пирамиду, грани которой обращены к Франции, Италии и Швейцарии. Единственным «необкатанным» склоном Мондолена оставался северный: вид у него и в самом деле устрашающий, а особую опасность представляют обширные ледовые поля. Вдобавок ко всему, незадолго до попытки Тардивэля как раз на этом склоне погиб швейцарский лыжник. Но Пьера это не остановило.

Прежде чем приступить к спуску, Тардивэль несколько раз объехал склон на лыжах, изучая его издали и фотографируя. Весь май и июнь Пьер корпел над картами и фотоснимками, пока не наметил маршрут. Потом он ждал, когда выпадет свежий снег. Самое незначительное потепление могло сорвать его планы, но в том году погода была на его стороне. Снега выпало ровно столько, сколько нужно.

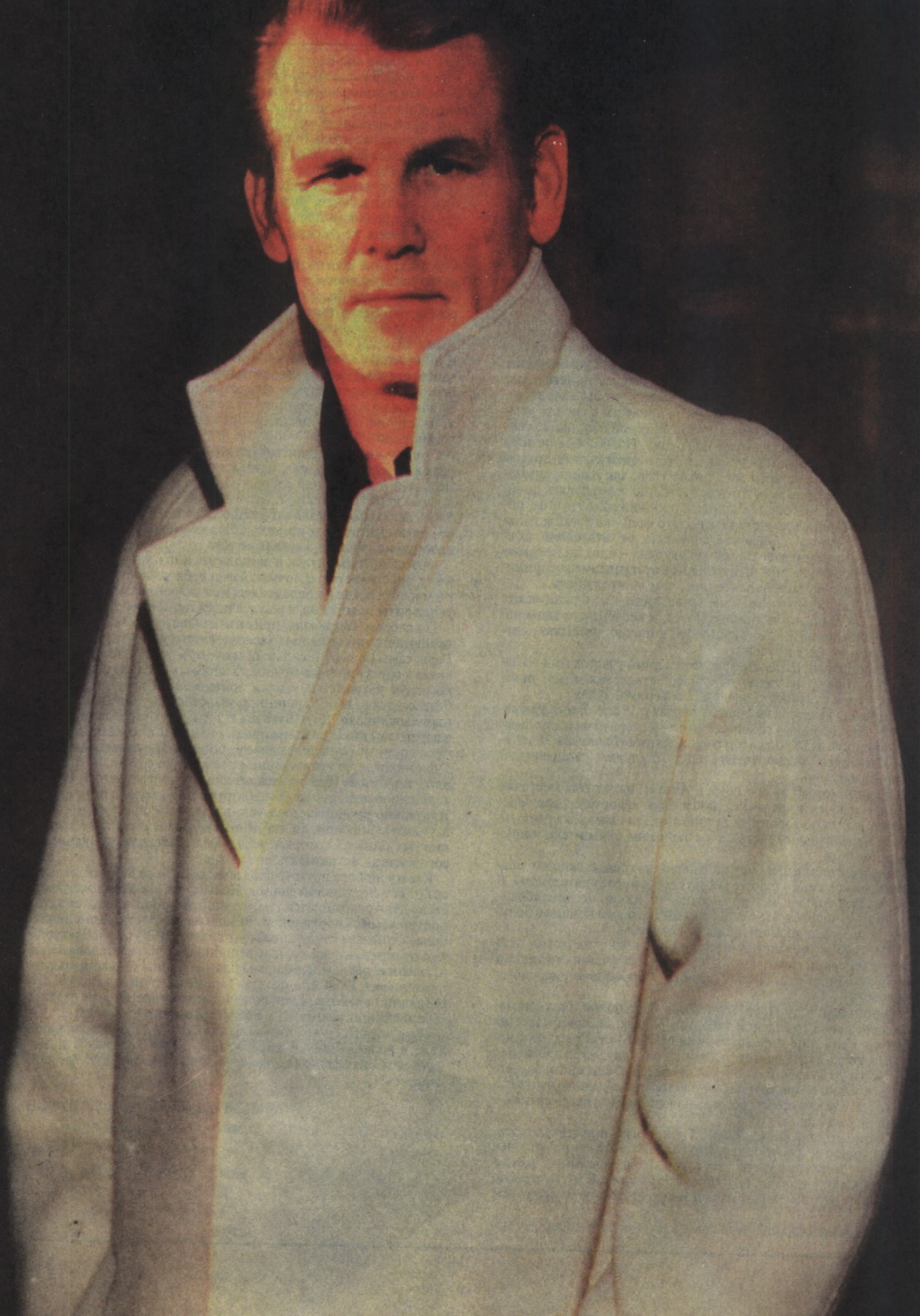
«Когда я оттолкнулся и заскользил вниз, по этому громадному пространству, я почувствовал себя ужасно хрупким. Но по мере того, как я продвигался, моя уверенность росла. Меня увлек ритм поворотов, я наслаждался гармонией движений...»

По словам Тардивэля, притягательность его занятия не исчерпывается щекотанием нервов и чисто спортивным азартом. Горы сами по себе — сильный магнит, а многодневная подготовка к спуску дает возможность «побыть наедине с природой, исследуя нетронутые уголки вселенной». Пьеру не по душе безрассудство и беспричинное ухарство некоторых «заоблачных лыжников». Друг Буавэна и Гуви, он откровенно скажет вам, что сам никогда бы не прыгнул с парашютом с вершины — этот спорт не оставляет права на ошибку. Он скажет вам, что и Гуви никогда, за исключением последнего спуска, не съезжал вниз по склону без предварительной подготовки. И обязательно добавит, что сам он до сих пор жив только потому, что тщательно взвешивает все «за» и «против», просчитывает все варианты. Впрочем, то же самое делают и страховые компании, ни одна из которых, включая знаменитую «Ллойд», не согласилась застраховать его жизнь.

Как и у любого другого спортсмена, карьера Тардивэля зависит от его спортивной формы. Но в случае «лыжных экстремистов» дело осложняется тем, что победы оборачиваются здесь против самих спортсменов. Всякое новое достижение делает более сложным следующий шаг вперед. В Европе «обкатаны» уже практически все горные вершины, а пресса и телевидение и, главное, рекламные фирмы благосклонны только к «первопроходцам». Рано или поздно Тардивэль обнаружит, что сам себя лишил работы, если, конечно, к тому времени не свернет себе шею или решит, что с него довольно.

Ну, а пока Пьер не собирается уходить. У него остались еще дела в горах. Лыжи и кислородная маска Тардивэля дожидаются его на складе компании «Шерпа» в Катманду. Эверест, берегись!

Перевел с английского В. ШУТОВ

СТАРИНА НОЛТ

Эта фотография Ника Нолта в обличье джентльмена ну никак не отражает ни его сценического образа, ни истинного характера. Что касается характера, то ему, как считает сам Нолт, соответствует герой народных песен Юга Америки по имени Старина: Старина — пьяница и игрок, но в груди у него бьется сердце доброго христианина. Он большой мастак по части дам, однако на самом деле любит жену; он не стесняется нарушать закон, но когда этого требует правое дело; он суров, но справедлив и т.п. «Я — старый медведь, пролезший сквозь ворота Голливуда, когда охрана отвлеклась» — так говорит о своей экранной карьере Нолт.

Он родился в 1941 году, и отец его был профессиональным футболистом. Нолт тоже играл в футбол — «это незаменимый для актера опыт: учит дисциплине и умению играть в команде», но в профессионалы не вышел. В двадцать лет увлекся сценой и до тридцати пяти мотался по разным провинциальным театрикам, переиграв чуть ли не весь классический и современный репертуар. И ничего ему в этом возрасте уже не светило. Но в 76-м снялся в телесериале по Ирвину Шоу «Богач, бедняк», и наконец-то его заметили кинорежиссеры. Первый большой успех пришел в 82-м, после фильма «48 часов», где Нолт работал в паре со знаменитым комиком Эдди Мерфи. «Я не из тех актеров, которые действуют по методу Станиславского», — заявляет Нолт. — Я должен по-настоящему вживаться в роль». Он и вживался — месяц ездил по Сан-Франциско в патрульной полицейской машине. А для фильма «Крушение в Беверли-Хиллз» еще месяц «бомжем» скитался по Лос-Анджелесу.

«Биение сердца», «Под огнем», «Учителя», «Три беглеца», «Другие 48 часов», «Прощай, король», «Вопросы и ответы» и еще целый ряд фильмов — вот то, что Нолт сделал за годы работы в кино. Однако ни один из них не годится на выдвижение на «Оскара», а премию американской Академии киноискусства «по совокупности» вручать не принято. Но последние работы Нолта — «Мыс Страха» и «Повелитель приливов» (см. «Ровесник» № 7 за этот год) — дают, по отзывам критиков, надежду, что «старина Ник» тоже станет «оскароносцем».

П. ВАГИНА

США. 1991 г. 2 ч. 20 мин. Реж. Стивен Спилберг. В ролях: Робин Уильямс (Питер Бэннинг — Питер Пэн), Дасти Хоффман (напитан Хун), Джулия Робертс (фея Тинкербелл), Боб Хоскинс, Мэгги Смит и др.

Несмотря на имя режиссера, несмотря на созвездие актеров, эта современная переработка классического «Питера Пэна» получила нелестные отзывы критиков. А сюжет таков: преуспевающий американский адвокат Питер Бэннинг не знает, что давным-давно он был на самом деле... Питером Пэном, мальчиком, который не хотел расти. И вот он вместе с семьей отправляется на рождественские каникулы в Англию, там начинаются приключения, и Бэннинг вспоминает, кто он есть таков.

ХУК

HOOK

HOWARDS END

ГОВАРДЗ - ЭНД

Великобритания — США. 1992 г. 2 ч. 20 мин. Реж. Джеймс Айвори. В ролях: Энтони Хопкинс (Генри Уилкокс), Ванесса Редгрейв (Рут Уилкокс), Эмма Томсон (Маргарет), Хелена Бонэм Картер, Сэмюэл Уэст и др.

Это экранизация романа классика английской литературы И. М. Форстера (две предыдущих экранизации его произведений, сделанные тем же режиссером, получили множество премий: «Комната с видом» — три «Оскара», «Морис» — три награды Венецианского фестиваля). И «Говардз-энд», похоже, уготована та же «призовая» судьба. Говардз-энд — имение, принадлежащее Рут Уилкокс, ее судьба, ее жизнь, ее любовь... Умирая, Рут завещает имение своей лучшей подруге Маргарет, но муж покойной Генри Уилкокс начинает борьбу за то, чтобы Говардз-энд достался ему. Вокруг этого уголка старой Англии и кипят страсти, позволившие великолепной команде актеров показать себя во всем блеске.

ГОЛЫЙ ЗАВТРАК

США. 1992 г. 1 ч. 55 мин. Реж. Дэвид Кроненберг. В ролях: Питер Уэллер (Вильям Ли), Джуди Дэвис (Джоан Ли), Иэн Холм, Джулиан Сэндз, Рой Шайдер и др.

В основу этого произведения легла знаменитая книга Уильяма Берроуза, одного из идеологов молодежной контркультуры 50 — 60-х годов (кстати, именно Берроузу рок-музыканты обязаны не только некоторыми своими идеями, но и термином «хэви-метал» — Берроуз впервые употребил его в применении к музыке именно в этом романе; а Стинг пригласил Берроуза сняться в клипе песни «Англичанин в Нью-Йорке» — помните старика с зонтиком?). И роман, и фильм автобиографичны: здесь говорится о борьбе писателя со своим пристрастием к наркотинам и о тех кошмарах, которые преследуют страдающих этим недугом.

NAKED LUNCH

BASIC INSTINCT
ОСНОВНОЙ
ИНСТИНКТ

США. 1992 г. 2 ч. 8 мин. Реж. Пол Верховен. В ролях: Майкл Дуглас (Ник Каррен), Шарон Стоун (Кэтрин Трэмелл), Джин Трипплхорн (Бет Гарнер), Лейлани Сарелл (Рокси) и др.

Строгое предупреждение родителям: «Основной инстинкт» — явно не для семейного просмотра и вообще лучше припрятать кассету от тех, кому еще не исполнилось восемнадцати. Потому что это фильм о любовном «четырёхугольнике», в котором задействованы три героини и один герой.

Детектив из Сан-Франциско Ник Каррен расследует убийство знаменитого рок-музыканта, и подозрение падает на подругу покойного Кэтрин Трэмелл, авторшу криминальных романов. Кэтрин всю пользуется «основным инстинктом», чтобы вызвать на откровенность мужчин и чтобы потом расцветить их откровениями свои романы. Применяет она излюбленный прием и к нашему герою.

А и нему равнодушны еще две дамы — полицейский психиатр Бет Гарнер и подружка писательницы Рокси. Так что герою приходится нелегко, а зрителям — неловко. Однако Майкл Дуглас — все же Майкл Дуглас, и любая его новая работа непременно вызывает интерес.

США. 1992 г. 1 ч. 45 мин. Реж. Джефф Мерфи. В ролях: Эмилио Эстевес (Алекс Ферлонг), Мик Диеггер (Васендан), Энтони Хопкинс, Рене Руссо.
Сценарий этого футуристического фильма написан Рональдом Шашеттом, автором сценария к «Вспомнить все», и поэтому некое сходство есть. Сходство это — в полном отсутствии логики происходящего. Автогонщик Алекс Ферлонг разбивается, и в момент катастрофы присланные из будущего «охотники за телами» перехватывают его еще не искоженное тело и отправляют в 2009 год, где его поджидает некто, решивший переселиться в оболочку Ферлонга. Ферлонг убегает, разыскивает свою девушку, которая за 17 лет ну ни капельки не изменилась, и пытается выяснить, кому это понадобился его «телесный болван». А непосредственно операцией по отлову героя руководит персонаж, которого играет знаменитый рок-музыкант Мик Диеггер. Пожалуй, только этим фильмом и интересен. Так что, поклонники «Роллинг стоунз», — добро пожаловать в будущее.

США. 1992 г. 1 ч. 27 мин. Реж. Сильвестр Сталлоне. В ролях: Сильвестр Сталлоне, Эстелла Гетти и др.

Похоже, «Слай» (наз окрестили Сталлоне американские поклонники) решил прочно обосноваться в комедийном жанре — начало новой линии в его судьбе было уже положено «Оскаром».

В этом фильме Сталлоне играет полицейского, живущего вдвоем с мамой. И маменькиного сынка к тому же. Мама дарит сыну новый пистолет, и начинается целая серия различных приключений, которые, как уверяют критики, могли бы быть и посмешнее...

